

А.Ю. Шитова

**Светлая моя
родина – Ямайкино**

 Шелест
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ижевск, 2020

УДК 94(470.51)
ББК 63.3(2Рос.Удм)
Ш64

Шитова, Антонина Юрьевна.

Ш64 Светлая моя родина – Ямайкино / А. Ю. Шитова. –
Ижевск: Шелест, 2020. – 272 с.: ил.

УДК 94(470.51)
ББК 63.3(2Рос.Удм)

© Шитова А.Ю., автор, 2020
© Издательство «Шелест», макет, 2020

Деревня моя

Расположилась она в две ровные улицы по разные стороны маленькой речушки. Речушка безымянная, просто Речка, Шур. Улицы так и называли Шур щер, Зарека. Соединяет улицы настоящий деревенский мост из крепкого бревенчатого настила. С весны и до поздней осени деревенька утопает в зелени. На ее улицах много черемух и старинных берез, летят ввысь тополя, и так спокойны и уютны ивовые деревья с длинными плакучими ветвями, что редко встретишь в наших краях.

Но деревня – это не только ее улицы. Родная деревня – это ее просторы. Деревенский человек живет благодатным ощущением, что все эти просторы предназначены ему для всей полноты жизни: для детских игр, для веселья молодости, для напряженного труда, да и просто для красоты. Этот простор, этот мир – твой! И называется этот мир деревней Ямайкино.

Со всех сторон окружены деревенские улицы полями и лесом. Лес здесь светлый, лиственный, орешник целыми зарослями, рощи белых берез, рдеют по осени клен и рябина. В памяти дорога на Каксинвай, обсаженная березами, которым должно быть уже лет 100 и больше. Там далеко уездный городок Малмыж, и в ту сторону проходили ярмарочные поклажи и принарядившиеся жители окрестных деревень. Поближе село Каксинвай, где приходская церковь и большая школа. Сколько поколений ямайкинцев прошли вдоль этих берез! Шли по этой дороге, когда нужно было покрестить вновь родившегося человека и когда его надо было проводить в последний путь на этой земле. Гуляли по этой дороге свадьбы: ямайкинские девушки выходили замуж в Каксинвай, юноши приводили в дом невест из Каксинвая, потому половина ближних родственников тоже была там.

Рядом огромный Вайсы нюк. Он как бы пытается дотянуться до этих берез своим верхним чальды, но никак ему пока не удается. Поля не уступают ему свои территории. Но зато Вайсы нюк настолько расширяется и углубляется к низу, к реке, что не каждый решается проверить эти его обрывы и глубины. Хотя, говорят, там можно было добыть из земли орешки наподобие арахиса. За Вайсы нюком поля и ягодные места. Направляясь на полевые работы либо за ягодами, ни взрослые, ни дети овраг не огибали, а переходили напрямки. Оба склона очень крутые, внизу речушка, но никогда не было обустроенного перехода. По-видимому, это бессмысленно было делать, так как Вайсы нюк вбирал весной все весенние потоки с полей и превращался в глубокую бурлящую реку и сносил все на своем пути. Вот так и становился испытанием каждый переход через этот овраг: упираясь пятками, нужно спуститься вниз по крутому обрыву, перейти речушку, перепрыгивая по кочкам, забраться на другой крутой склон, опираясь рукой на свою колено и пригибаясь телом чуть не до земли. И ведь проходили этот рубеж по несколько раз за день.

Между Вайсы нюком и Верхней частью деревни Валнапалом небольшое поле. Там гольный песок, и редко что из посевов взрастало хорошим урожаем. Но весной на этом поле первыми появлялись ростки полевого хвоща в виде шишечек, и детвора их искала и ела на ходу не столько от голода, сколько из интереса на вкус. И еще старики рассказывали, что на этом поле был захоронен белогвардейский офицер и можно найти в земле его дорогие перстни.

Ровный ряд деревенских огородов в сторону Каксинвая упирается в поля, где стеной желтеет рожь или разливается синее море льна. Дорога через поле приведет тебя к пасекам, там издавна обосновались старые пасечники. Здесь самые грибные места. А еще дальше к Мулдинвао – огромные лесные делянки и сплошные малиновые заросли. Там трудилась детвора, принося домой кучу малины. Малина не просто кормила, но и одевала: на деньги, вырученные от продажи сушеной малины, покупалась одежда к школе.

За другим рядом огородов – маленькая безымянная речушка («шур», «речка»), которая тихо вливается в древний Дедшур. Вдоль её берега заросли черемух, от которых шел волшебный аромат по вечерам. Нижний конец деревни завершал большой пруд – *Зьуч тьмет*, Русский пруд. Здесь пропадала детвора, пока родители трудились в летнюю пору. Здесь все дети учи-

лись плавать, соревновались, переплывая через русло реки в середине пруда...

За Дедшуром поле поднимается взгорьем, и лес стоит не ровной стеной, а настоящей зеленой горой, которую венчает Матан гурезь. И когда бежишь из Безменшура, из школы через этот лес, главное – дойти до этой Большой горы, пробежать вниз под гору, а там и лес сменялся необозримо широким полем. Уже виднеется твоя деревня как на ладони, это значит ты дома, ты добежал. Уходит усталость, и бежишь под горку беззаботный и неизмеримо счастливый. Это радость, это детство, это дорога домой!

Заливные луга вдоль Дедшура – места летних сенокосов. Летом на этих лугах сходилась весь деревенский народ от мала до велика. Каждому определялось свое дело: взрослые косили, подростки сгребали сено и подтаскивали его на волокушах к стогам, мастеровые правили инвентарь, повара хлопотали во-круг котлов. А ребятня играла и ждала обеденной поры, когда выбираешь место для своей семьи в тени и, лежа животом на земле, хлебаешь обалденно вкусный суп и гречневую кашу. В отдельных котлах стоял ароматный чай из смородины, сюда можно было подойти не один раз со своей зеленой эмалированной кружкой.

С лугов дорога шла за огородами Русской улицы мимо конюшни. Сворачиваешь от конюшни в переулочек – и ты на деревенской улице. Дома только с одной стороны. С другой – стародавние березы и черемухи, ширь огородов и простор полей до Быдзьымка нюка. Можно по тропке от дома Смирновых спуститься к речке и перейти на Удмуртскую улицу, а можно по улице дойти до магазина и начальной школы. А там главный «перекресток»: направо пойдешь – мост через речку, налево – улица выведет за околицу. Там самые широкие поля вплоть до леса на татарскую деревню Агюл и главная дорога на Кизнер.

Так и обрамляют деревню луга и ровные ухоженные поля, окруженные лесом. А сама она в низине, на речке, которая подбирает по течению ручейки от нескольких холодных и чистых ключей и добегает до Дедшура. Поистине самая Верхняя Омга на реке Дедшур.

Исторические сведения

Первое упоминание о деревне в архивных данных значитсЯ под названием **Верхняя Дедшур Омга**.

Эти земли присоединились к российскому государству в 15 веке после покорения Иваном Грозным Казанского ханства. Исторические материалы позволяют судить о происходящих процессах лишь с начала 18 века.

Н.В. Пислегин в работе «Исторические населенные пункты на территории Безменшурского сельсовета Кизнерского района Удмуртской Республики» приводит следующие данные:

«В материалах 1795 г. упомянута д. **Дешур Омга**..., которая к 1795 г. «совсем уничтожилась» (скорее всего, расселилась), несмотря на довольно внушительную численность в 1784 году (101 душа только мужского пола)... Первое упоминание о нем относится к 1716 г. Несомненно, эта деревня существовала и раньше, как минимум, в 17 веке» [1].

Предполагаемое место размещения этого поселения – между рекой Дедшур и ближним лесом. Там обнаружены предметы быта и монеты, которые были в ходу в 17-18 вв.

Одна из версий возникновения **Верхней Дедшур Омги** (Ямайкино) предполагает, что жители древнего поселения Дешур Омга переселились на новое место. Но в таком случае, какова была необходимость дать ей название Верхняя? По-видимому, к моменту фиксирования в документах Верхней Дедшур Омги сама Дешур Омга еще существовала.

«Возникло **Ямайкино**, по всей видимости, после **III ревизии (1762 г.)**, в 1784 году в ней отмечены 23 ревизские (т.е. мужского пола) души и, вероятно, столько же женских. В 1795 году в д. **Верхняя Дедшур Омга** (варианты названия в последующие годы: Верхняя Дедшур Омга, Верхняя Дейтчур-Омга, Емайкино тож, Верхняя Детчур-Омга, Верхнедетчур-Омга, Ямайкино) Малмыжского уезда в 10 дворах проживали 72 (35 муж., 37 жен.) ясачных крещеных удмурта. Через 2 года она уже входила в состав Староомгинской волости Елабужского уезда, 7-я ревизия (1816 г.) зафиксировала в ней 45 жителей мужского пола и 52 – женского. В 1834 году деревня в 17 дворов крестьян-удмуртов (55 муж., 80 жен.) находилась в составе Старотрыкской волости Малмыжского уезда. Вскоре, около 1840 года, она стала центром сельского общества в составе этой волости. В

1858 году здесь в 17 дворах проживали 159 крестьян (71 муж. 88 жен.), удмуртов и русских. Подворная опись, проведенная в 1884 году, дает следующие цифры: удмурты – 29 дворов (85 муж., 84 жен.), русские – 10 дворов (29 м., 30 жен.)» [1].

Рукописная карта. Из фондов исторического музея Безмениурской средней школы

Вторая версия возникновения деревни в том, что она возникла **напрямую из Старой Омги**. Удмуртское название – **Зямайгурт** – в пользу этой версии. По сохранившейся легенде название деревни происходит от имени первого переселенца – Зямая. Вероятно, Зямай принадлежал к большому роду Омга и решил отделиться, основав отдельное поселение. Старожилы деревни любили рассказывать легенду о том, что Зямай пришел сюда жить со стороны Мулдинвая, со стороны Старой Омги. Большая часть жителей Ямайкино в последующие годы род-

нилась с жителями Старой Омги, а некоторые фамилии были общими: Зайцевы, Крючковы, Волковы, Смеловы. Необходимость обозначить поселение в официальных документах дало ему второе название – Верхняя Дедшур Омга (вверх по реке от старинной Дешур Омги).

В начале 20 века деревня росла и расширялась. В «Списке населенных мест Вятской губернии 1905 г.» указано, что в деревне **Верхне-Детчур-Омга (Емайкино)** числится 55 дворов, где проживают 152 мужчины и 158 женщин, всего 310. В этом списке соседний починок Каксинбай (Какси-Ныша), где всего 29 дворов, деревня Муркозь-Омга – 52 двора, деревня Старомгинская – 41 двор, деревня Чушташкем – 41 двор [4].

По итогам переписи населения в 1926 году в деревне числится хозяйств – 71, проживают в ней мужчин – 179, женщин – 215, всего 394, в т.ч. удмуртов – 204. Таким образом, в первой четверти 20 века деревня Верхняя Дедшур Омга (Ямайкино) была самым крупным поселением в округе [4].

О давнем прошлом

Российская деревня во все времена жила нелегко. Только ежедневный труд кормил крестьянина. Ямайкинцы жили своим хозяйством, сеяли рожь, выращивали лен и картофель. Зимой охотились, ибо здесь водилась дичь и пушной зверь. Много давали лес и река. Ведь крестьяне в лесных краях были не только земледельцами, но и владели различными ремеслами. Из рассказов старожиллов знаем, что большая часть мужских рук зимой была занята рубкой леса. Эти работы начиналась по первому снегу и оканчивалась в марте. Весной уходили на сплав леса. Лес сплавляли отдельными бревнами, а «плотили» его уже тогда, когда он выходил на реку Вятку. В истории многих семей встречаются рассказы о том, что кто-либо из мужчин попал при сплаве в ледяную воду и заболел. Имелись и случаи гибели глав семейств. Дрова готовили не только для своего хозяйства, но и на продажу. Чаще всего готовые дрова извозом везли в Вятские Поляны и Кукмор и возвращались оттуда с пшеничным хлебом для семьи (*калач нянен*).

Береза давала бересту, из которой делали пестери, туески, лукошки, солонки. С молодой липы драли лыко и плели лапти, так мужчины обеспечивали семью обувью. Для мочала использовали кору старых лип, которую длительное время выма-

чивали в водоемах. Из мочала изготавливали кули и рогожи. В наших краях прижилось ремесло, которое долгое время давало семьям доход живыми деньгами, – ткачество мешков (*кулей*) из мочала. В зимний сезон устанавливались специальные станки в домах, и вся семья занята была изготовлением этого полотна (*каб шуккон*). Младшие дети закручивали веревки для боковин (*дур гозы*), мужчины со старшими детьми или с женской половиной семьи вставали за станки и ткали. Затем сшивали готовое полотно в форму мешка, сортировали по 10 штук для сдачи заготовителям. Это ремесло жило еще до 60-х годов 20 века, до отмены трудодней, оно давало живые деньги и семье колхозника. Сдавали произведенную продукцию в соседнее село Каксинвай, выручали деньги и возвращались домой с покупками и сладостями.

Плотники, столяры, бондари, мастера, делавшие ободья, полосья, мялки, самопрялки, грабли, вилы, корзины, – все находили нужный материал в наших богатых лесах.

На берегу реки Дедшурки стояла смолокурня. Деготь и смола помещались в бочки и иногда шли на продажу. Но больше всего деготь шел на свои хозяйственные нужды: смазывали телеги, упряжь, обувь, лечили людей и животных. Кто-то держал кузницу, катали валенки, был свой кирпичный завод. Многие занимались пчеловодством.

В каждом хозяйстве имелось все необходимое для обработки льна, изготовления льняных тканей. Кроме холста ткали полотенца, скатерти, половики, пояски, кушаки. Холст шел на нужды своей семьи. Ткать, вязать и шить учились с ранних лет. А то, что пряли пряжу и вязали носки, варежки, кофты, за работу и не считалось. Это был деревенский досуг, с общением, обсуждением новостей.

Полагаем, ямайкинский народ никогда не был забит нищетою. Жила деревня на большом тракте на уездный город Малмыж, на пути ярмарок и базаров, и местное крестьянство умудрялось зарабатывать на себя.

Времена перемен

Так и жили по обе стороны маленькой речушки в две улицы удмуртские и русские семьи. Вместе со всем российским народом прошли через революцию и Гражданскую войну. Прошли через деревню отряды армии Колчака и преследующие их красноармейцы.

С установлением Советской власти изменяются территориальные формирования. Образуется **Ямайкинский сельский совет**. В составе сельского совета две улицы по разные стороны маленькой речушки обозначаются как две деревни – Русское Ямайкино и Удмуртское Ямайкино. Первым председателем сельского Совета стал Иванов Владимир Иванович с Русского Ямайкино, вернувшийся домой после окончания Гражданской войны. С 1928 по 1934 год председателем был Зайцев Иван Егорович с Удмуртского Ямайкино.

В размеренную жизнь деревни ворвались преобразования. На ее территории образовались два колхоза. В 1934 году началось формирование колхоза «Серп и молот» в Русском Ямайкино и «Челюскинец» в Удмуртском Ямайкино. Иванов В.И. станет и первым организатором колхоза в Русском Ямайкино. Имена первых председателей и активистов в деле организации коллективного хозяйства в Удмуртском Ямайкино не сохранились.

Под волну раскулачивания попала семья Николая Зверева, его усадьба располагалась рядом с усадьбой Вичужанина Ивана Петровича. Держал хозяин крепкое хозяйство, была своя шерстобитка и мельница. Семью сослали в Сибирь. Старшие члены семьи там и погибли. Приезжал на родину лишь младший сын Трофим (*Трошка*). На месте усадьбы сформировали колхозную конюшню, где разместились 26 лошадей.

Еще одну семью обвинили в убийстве комсомольца, бывшего в Русское Ямайкино для организации колхоза. Со слов старожиллов, это был результат бытового конфликта, и глава семьи Зверев Степан с сыном Максимом были арестованы. Об их дальнейшей судьбе никому не известно.

Колхозный строй во многом изменил труд и быт крестьянина. Собрали скот на общую ферму и конюшню, свезли амбары с нескольких усадеб и построили складские помещения для колхозов, появилась общественная сушилка для зерна. Появился клуб с конторой, медпункт, открылись летние ясли и столовая. Старинные женские платья и монисто начали обменивать на новые ткани либо отдавали для музеев.

Колхозники начали жить на то, что полагалось им на «трудодни». Правление колхоза определяло нормы и расценки на все виды работ. За выполнение нормы начисляли один трудодень, на начисленные трудодни выделяли зерно и другую натуральную продукцию колхозного производства: крупы, горох, льняное масло, жмых, мед и др. От зари до зари трудились и в личных хозяйствах. Продолжали кормить семьи древние ремесла, которые передавались из поколения в поколение. Вплоть до отъезда с насиженных мест в хозяйствах были не только самодельные туески и корзины, плетеные короба, но новые заготовки для будущих саней и деревянных корыт, бочек, длинных деревянных вил, запасы мочала и льна.

Январь 1939 года. В составе Удмуртской республики образуется новый район – Кизнерский. Территория Ямайкинского сельского совета выводится из состава Вятско-Полянского района Кировской области и включается в состав вновь образованного Кизнерского района. Так январь 1939 года стал знаменателен тем, что вхождение в состав Кизнерского района означало для деревни Ямайкино и вхождение в состав Удмуртии.

На 10 февраля 1939 года в Ямайкинском сельсовете числились барак 178 квартал, деревня Победа, деревня Русское Ямайкино, деревня Удмуртское Ямайкино, деревня Уржум-Казанка (Машкино), деревня Чуштаськем, починок Шудо.

Уже в августе 1939 года уроженец деревни Ямайкино **Шутников Сергей Андреевич** был избран Председателем Президиума Верховного Совета УАССР. В те дни ему было всего 35 лет. Вот факты его биографии из официальных источников.

Шутников Сергей Андреевич

Родился 4 октября 1903 г. в д. Ямайкино Малмыжского уезда Вятской губернии, удмурт. Образование среднее. Окончил Вотскую областную советско-партийную школу.

1914-1921 гг. – работал в хозяйстве отца, д. Ямайкино.

1921-1922 гг. – секретарь Ямайкин-ского сельсовета Вотской автономной области.

1925-1927 гг. – служил в Красной Армии. 1928-1929 гг. – учащийся Вят-

ской губернской советско-партийной школы, г. Вятка.

1929-1930 гг. – учащийся Вотской областной советско-партийной школы, г. Ижевск.

1930-1932 гг. – заведующий организационным отделом, заведующий кадрами Глазовского районного комитета ВКП (б).

1932-1936 гг. – заведующий орготделом, первый секретарь Граховского районного комитета ВКП(б).

1936-1938 гг. – первый секретарь Юкаменского районного комитета ВКП(б).

1938-1940 гг. – третий секретарь Удмуртского областного комитета ВКП(б).

август 1939 – апрель 1941 гг. – Председатель Верховного Совета УАССР.

Награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями. Умер в госпитале от ран 11 октября 1944 г.

(Из архива Государственного Совета Удмуртской Республики)

Судьба этого человека – пример того, как Советская власть давала возможность представителям крестьянских семей выйти на путь высоких достижений.

Пришла в деревню война

Невосполнимый урон нанесла деревне Великая Отечественная война.

87 солдат отправила на войну маленькая деревня. Порой по несколько человек из одного дома. Из семьи Осиповых ушел на фронт глава семьи Егор Осипович и его сыновья Игнатий, Петр и Василий; отец и два его сына погибли, вернулся домой лишь Игнатий. Четыре брата друг за другом ушли из семьи Шутникова Андрея, вернулись только двое. Кошчева Ксения Ивановна проводила на войну мужа и старшего сына, ни один из них не вернулся. Не вернулись сыновья Иван и Василий из семьи Напольских Сергея, Константин и Николай из семьи Родыгиных. 10(!) мужчин из рода Салангиных остались на полях сражений по всей России. Печальный список из «Книги памяти»:

«Александров Петр Клавдиевич, род. 1924, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 25 авг. 1942 г. Рядовой. Умер от ран 24 нояб. 1943.

Бастриков Арсентий Семенович, род. 1902, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 29 авг 1941 г. Старшина. Пропал без вести 21 янв. 1942.

Зайцев Дмитрий Исакович, род. 1912, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести в янв. 1942.

Зверев Петр Михайлович, род. 1901, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 28 авг. 1941. Рядовой. Пропал без вести.

Ислентьев Михаил Степанович, род. 1900, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 3 апр. 1942. Ст. сержант. Пропал без вести в янв. 1944.

Кайдалов Василий Павлович, род. 1902, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести в янв. 1942.

Кондаков Петр Кириллович, род. 1918, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Пропал без вести в янв. 1944.

Кошчев Михаил Максимович, род. 1917, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Лейтенант. Пропал без вести 20 июля 1941.

Кошчев Гавриил Кузьмич, род. 1906, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 4 июня 1942 года. Рядовой. Умер от ран 9 января 1943 года.

Кошчев Дмитрий Гаврилович, род. 1923, д. Ямайкино. Призван в Советскую Армию в 1941 году. Лейтенант. Пропал без вести в янв. 1942.

Кунгурцев Иван Андреевич, род. 1905. д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести, дек. 1941.

Лаптин Сергей Тимофеевич, род. 1919, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 6 окт. 1940. Рядовой. Погиб в бою 7 июля 1942 года.

Лапшин Сергей Михайлович, род. 1919, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 2 февраля 1940. Рядовой. Пропал без вести в янв. 1945.

Лапшин Клавдий Николаевич, род. 1922, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армии 4 окт. 1941. Рядовой. Пропал без вести сент. 1942. (Сталинград)

Лапшин Иван Прокофьевич, род. 1899, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 28 янв. 1942. Рядовой. Погиб в бою 13 авг. 1942.

Мартынов Константин Филиппович, род. 1910, д. Рус. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 13 июля 1941. Рядовой. Погиб в бою 18 июня 1943.

Напольских Василий Сергеевич, род. 1910, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 28 авг. 1941. Рядовой. Погиб в бою 10 фев. 1942.

Напольских Иван Сергеевич, род. 1925, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 20 дек. 1942. Сержант. Пропал без вести в янв. 1943.

Осипов Егор Осипович, род. 1896, род. 1910, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 29 января 1942. Погиб в бою 19 августа 1943. Похоронен: д. Снопот Спас-Деменского р-на Смоленской области.

Осипов Петр Егорович, род. 1920, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1940. Рядовой. Умер от ран 24 янв. 1944. Похоронен: г. Новосибирск Заельцовское кладбище.

Осипов Василий Егорович род. 1924, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1942. Рядовой. Умер от болезни. Похоронен: г. Москва, Востряковское кладб.

Печников Григорий Никифорович, род. 1910, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 7 июня 1941. Рядовой. Пропал без вести янв. 1942.

Родыгин Константин Николаевич, род. 1909, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1943.

Родыгин Николай Николаевич, род. 1921, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести в янв. 1942.

Родыгин Николай Прохорович, род. 1907, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести в янв. 1942.

Родыгин Иван Васильевич, род. 1891, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести в янв. 1942.

Романов Федор Ефимович, род. 1907, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 6 дек. 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1943.

Салангин Иван Афанасьевич, род. 1902, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 6 дек. 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1943.

Салангин Григорий Семенович, род. 1921, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 6 окт. 1940. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1942.

Салангин Василий Павлович, род. 1909, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 7 июня 1941. Рядовой. Умер в германском плену 28 ноября 1941.

Салангин Прокопий Леонтьевич, род. 19016, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 8 июня 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1942.

Салангин Василий Степанович, род. 1923, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 14 мая 1942. Рядовой. Умер от ран 27 сентября 1942. Похоронен: с. Н.Усмань Н.Усманского р-на Воронежской обл.

Салангин Григорий Иванович, род. 1902, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 16 сент. 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1943.

Салангин Матвей Петрович, род. 1899, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 16 янв. 1942. Рядовой. Погиб в бою 15 марта 1942. похоронен: д. Рыльково Гжатского р-на Смоленской обл.

Салангин Ефим Иванович, род. 1900, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 15 ноября 1941. Рядовой. Погиб в бою 26 ноября 1942. Похоронен: д. Трушково Молодотудского р-на Калининской обл.

Салангин Павел Прохорович, род. 1895, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 22 марта 1942. Рядовой. Пропал без вести.

Салангин Василий Федорович, род. 1923, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести.

Смелов Андрей Иванович, род. 1907, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1943.

Смелов Яков Сидорович, род. 1920, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 10 окт. 1941. Рядовой. Пропал без вести.

Шутников Сергей Андреевич, род. 1903, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в г. Москва. Подполковник. Умер от ран 11 октября 1944. Похоронен: г. Говорово Остроленского р-на Варшавского воеводства.

Шутников Николай Андреевич, род. 1917, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Мл. сержант. Погиб в бою 27 окт. 1943.

Шутников Василий Иванович, род. 1914, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Пропал без вести, янв. 1942.

Шутников Иван Михайлович, род. 1893, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию 12 марта 1942. Рядовой. Пропал без вести.

Щинов Павел Григорьевич, род. 1899, д. Ямайкино. Призван в Сов. Армию в 1941. Рядовой. Погиб в бою 21 февр. 1942» [2].

44 мужчины из одной деревни. Самому старшему из них 50, самому молодому – 17 лет. 28 человек призваны в первые месяцы войны в 1941, пятерых война застала в армии во время службы по призыву. Лишь 11 человек ушли в 1942-ом, из них трое погибли уже через несколько месяцев. До января 1944 года дошли лишь трое, до октября 1944 – один. Время гибели остальных ямайкинцев – это 1941-1943 годы, годы самого жестокого противостояния на фронтах Великой Отечественной. Такова судьба рядовых бойцов большой войны – погибать в котле крупных боевых операций. Нет в списке и призванных в 1943 или 1944 годах. Отдала деревня всех своих мужиков к этому времени.

Как отдавали свои жизни за Родину, защищая свой рубеж до последней пули, показывает история одного из них.

Моего дядю Кощеева Михаила Максимовича война застала на командирских курсах на Украине. В августе 1941 года семья получила известие о том, что он пропал без вести. Спустя 44 года,

в юбилейном для Победы 1985-ом через газету «Удмуртская правда» просил отозваться его родных Коробенко Михаил Митрофанович с Украины. Вскоре мы получили письмо из села Бурты Киевской области. Вот строки из письма: «Воинская часть нашей Красной Армии сдерживала натиск за селом км 3 в поле. Окопы были в посеве пшеницы. Дня через три в пшенице мы увидели 3-х солдат убитых. Я и еще две женщины пошли их хоронить. У двоих были вот эти как называют их «смертьники». Один оказался из соседнего села, украинец.

А у другого было написано Кошеев Михаил Максимович Удмуртская АССР. А деревню и район забыл. Лежал он вниз головой, возле него пулемет Дехтярева, ящик с пустыми дисками и много пустых гильз от патронов. На губах запеклась кровь. Пуля прошла через гортань и вышла в затылок...

Я этот талисман оставил дома. Меня в 1942 году немцы угнали в Германию на каторгу. Возвратился я домой в 1946 году. Мать старушка где-то потеряла талисман. В 1952 году я написал письмо по адресу Удмуртская АССР Уд. Ямайкинский район дер. Ямайкино. Но мне письмо возвратилось... А сейчас решил написать в газету. И вот вы откликнулись. Похоронен он был над дорогой. В 1954 году перезахоронен в центре села в братскую могилу, но как неизвестный солдат. То о нем знаю я и еще есть жива та женщина, которая со мной хоронила. Сейчас я ходатайствую перед военкоматом о внесении его в Книгу вечной славы». Жители далекой Украины сделали все, чтобы жила память о солдате из маленькой удмуртской деревни.

О том, как выживала сама деревня, рассказывают заметки из районной газеты «Сталинское знамя» [3]. «В 1944 году на районную Доску почета были занесены члены колхоза «Челюскинец» Ямайкинского сельсовета А.Н. Смелова, М.Е. Осипова, О.М. Шутникова, У.Ф. Королева, которые провели сев на своих коровах и в разгар сельхозработ вырабатывали по 11 трудодней в день».

Трудящиеся Кизнерского района сдали в Фонд обороны страны 1 млн. 300 тыс. рублей. «Колхозница сельхозартели «Челюскинец» К. Кощева сказала: «На фронтах Отечественной войны находятся мой муж и сын. У меня на иждивении еще 5 детей. Я вношу в Фонд обороны 4 тысячи рублей. Пусть родные защитники знают, что я не только принимаю участие в борьбе за высокий урожай, но и помогаю Красной Армии своим трудовым рублем».

«Мне только 12 лет, – говорил Иванов из колхоза «Серп и молот» (деревня Русское Ямайкино) на совещании молодых передовиков сельского хозяйства в январе 1943 года. – В прошлом году окончил начальную школу. В период учебы был неплохим школьником, имел отличные отметки. Но озверелый бандит Гитлер вынудил меня временно оставить учебу: отец мой ушел на фронт, нужно помочь матери, колхозу до окончания войны, а там снова пойду в школу. А пока выполняю любую работу, полезную и колхозу, и государству. С мая 1942 года я выработал 165 трудодней».

Его отец Иванов Владимир Иванович – поистине легендарная личность. С 1915 по 1917 был на германском фронте, с 1918 по 1921 год участвовал в Гражданской войне. В июне 1945 года он вернется с Великой Отечественной и продолжит трудиться в своем родном колхозе.

Женщины, старики, подростки вынесли на своих плечах тяжелую ношу деревенского труда военных лет. Основная часть этих тружеников впоследствии будет отмечена медалью «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Запомним и эти имена:

Антонова Агафья Капитоновна (Агафия)
Волков Юрий Васильевич
Волков Юрий Сидорович
Волкова Анна Петровна
Волкова Екатерина Павловна
Волкова Зинаида Ивановна
Волкова Лисофья Ефимовна (Лософья)
Волкова Мария Васильевна
Волкова Мария Максимовна
Волкова Татьяна Семеновна
Вычужанин Алексей Савватеевич (Вычужанин Савельевич)
Вычужанин Гаврил Матвеевич (Вычужанин)
Вычужанин Игнатий Иванович
Вычужанин Матвей Захарович (Вычужанин)
Вычужанин Николай Матвеевич (Вычужанин)
Вычужанина Анастасия Максимовна (Вычужанина)
Вычужанина Клавдия Игнатьевна (Вычужанкина)
Вычужанина Любовь Семеновна (Саватеевна)
Вычужанина Мария Никифоровна (Вычужанина)
Дербилов Василий Иванович
Дербилов Николай Васильевич
Ермаков Венадий Васильевич
Ермакова Александра Лукояновна
Ермакова Евдокия Григорьевна
Ермакова Клавдия Кириловна
Ермакова Мария Васильевна
Зайцев Иван Фомич
Зайцева Анна Ивановна
Зайцева Евдокия Филипповна
Зайцева Лидия Капитоновна
Зайцева Наталья Кузьмовна
Зайцева Нина Ивановна
Зайцева Устинья Филипповна (Фоминична)
Закомонина Мария Петровна (Заколюкина)
Зверев Платон Петрович
Зверева Анна Карповна
Зверева Василиса Яковлевна (Василица)

Закончилась война. Пришла Победа, добытая великим подвигом и невероятным трудом. Вспоминает Зайцева Нина Ивановна: «9 мая мы с моей старшей напарницей Анной после утренней дойки вышли на работу в поле боронить посе­вы. Рядом работали на своих коровах Сава Люба, Максим Марья, Капитон Лида, Котельникова Таись. Когда быкам и коровам дают отдохнуть, женщины успевают взяться за рукоделие: кто-то вяжет, Сава Люба достает ручную прялку и начинает прясть. Неожиданно появляется запыхавшийся учетчик и кричит нам издали: «Война закончилась! Победа! Бросайте работу!». Мы все побежали бегом домой, оставили в поле своих быков и коров. Прибежали в деревню, весь народ на улице. Мы, молодые, прыгаем, скачем в толпе, обнимаемся. Смотрю: несколько женщин отошли от всех и вместе плачут, закрыв лица кто платком, кто и рабочим фартуком. Это Марья Печникова, Такан, Очи, Ольга Смелова, Анна. Они ведь все потеряли на войне своих мужей. Унесла война кормильцев семьи, оставив женщин с малыми детьми».

В списке ямайкинцев, вернувшихся с войны, 43 человека. Фронтовики вернулись в свои семьи, многие с тяжелыми ранениями. Часть бывших фронтовиков расселилась в соседние леспромхозы в Фукаловку и в Саратовский лесоучасток.

Деревня Русское Ямайкино:

Боков Иван Савельевич
Гребенкин Федор Григорьевич
Дербилов Василий Иванович
Дербилов Александр Васильевич
Зонов Алексей Григорьевич
Зонов Алексей Алексеевич

Фронтовики с молодыми ямайкинцами: Коцеев Егор, Зайцев Николай Капитонович, Вичужанин Назар Матвеевич, Вичужанин Иван Петрович, Смелов Геннадий

Котельников Василий Кузьмич
Лашин Михаил Прокопьевич
Мартынов Петр Филиппович
Мартынов Василий Филиппович
Напольских Владимир Кириллович
Напольских Николай Кириллович
Напольских Николай Григорьевич
Салангин Владимир Леонтьевич
Салангин Семен Федорович
Салангин Алексей Павлович
Салангин Дмитрий Афанасьевич
Щинов Даниил Харитонович
Щинов Николай Никанорович
Щинов Тимофей Григорьевич

Деревня Удмуртское Ямайкино:

Антонов Леонид Сергеевич
Антонов Сергей Константинович
Вичужанин Иван Петрович
Вичужанин Игнатий Иванович
Вичужанин Елизар Савельевич
Вичужанин Григорий Матвеевич
Вичужанин Назар Матвеевич
Вичужанина Таисия Матвеевна
Ермаков Геннадий Васильевич
Ермаков Василий Иванович
Ермаков Петр Иванович
Емельянов Петр Дорофеевич
Зайцев Николай Капитонович
Зайцев Марк Капитонович
Иванов Владимир Иванович
Королев Иван Михайлович
Осипов Игнатий Егорович
Осипов Иван Кондратьевич
Окунев Иван Алексеевич
Печников Николай Никифорович
Романов Виктор Тихонович
Смелов Николай Яковлевич
Шутников Александр Андреевич

(А.В. Загуменнов. Книга Памяти. Саранул. 1998 г., стр. 57-59, с дополнениями.)

Деревня выправляется

Деревня выправлялась. Выправлялась через тяжелую колхозную работу. Работали за трудодни. Свои огороды обрабатывали после колхозной смены или в редкие праздничные дни. Пока не завершится работа по уборке колхозного картофеля, не разрешалось начинать убирать у себя. Порой эту картошку доставали из земли, сбивая лопатой верхний слой прихваченной заморозками земли. Помимо огорода у всех были отдельные сенокосные участки-сайкосы.

Сайкос от удмуртского слова «сайкыны» – расчищать. «Позволено» было крестьянину расчистить неудобицы, лесную поляну либо дно оврага порой очень далеко от деревни и заготавливать там сено для своего хозяйства.

*1 ряд: Мария Зверева, Устинья Зайцева, Ольга Смелова,
Любовь Вичужанина. 2 ряд: Платон Зверев, Павел Смелов,
Арсентий Щутников. 1947-48 гг.*

Колхоз не разрешал скашивать даже болотистые участки за огородами у реки. Ведь все это подбиралось на заготовку сено-са для общественного скота. Тем не менее домашнее хозяйство не забрасывали. Если удавалось где-то подкосить сено, издалека тащили на плечах тяжелую копну домой. На льне за выра-

ботку нормы подросткам давали стакан меда (а кто-то говорит несколько ложек). Кто-то съедал сразу, наиболее бережливые семьи сливали от детей в одну посуду, бидончик, якобы продать и выручить деньги на семью.

Добрым словом вспоминают старожилы Зайцева Николая Капитоновича, который вернулся с фронта и возглавил колхоз. При нем колхозникам каждую неделю на заработанные трудодни выделяли что-нибудь из продукции колхозного производства: муку, льняное масло, жмых, крупу.

*1 ряд: Печникова Мария, Романова Александра, Чапкина Анна
с дочерью Любой, Зайцева Нина, Вичужанин Иван.
2 ряд: Смелова Агафья, Шутников Александр, Кандакова Вера, Смелов Василий, Вичужанина Нина, Зверева Вера, Королев Артемий.
3 ряд: Шутников Валентин, Смелов Елисей. 1948-49 гг.*

Не убирали из домов ткацкие станки, хотя льна для своего хозяйства доставалось чуть-чуть. Подбирали каждый выпавший с воза либо случайно забытый колхозный сноп, сушили и мяли его дома. Зимой почти во всех домах устанавливались станки для изготовления рогожи.

И, конечно же, старались держать пасеку. Наши пасечники славились на всю округу. В 1939 году, когда деревня только вошла в состав Удмуртии, Кошеев Гаврил Кузьмич в составе делегации УАССР уже представлял республику на ВДНХ в Москве. Пасеки вели не только мужчины, но и женщины. Премудрости пчеловодства передавались из поколения в поколение. Это род деятельности крестьянства, который осваивается только практикой и собственным опытом. Потому в семьях детей рано приучали к работе на пасеке. В 8-10 лет мальчишки уже собирали рой с дерева, осваивали азы формирования новой пчелиной семьи, знали календарь основных дел на пасеке. Они становились самостоятельными, уверенными в себе, росло ощущение собственной значимости. В ближних лесах вокруг деревни, а порой и при огородах вели свои пасеки:

1. Зверев Платон Петрови
2. Волков Юрий Сидорович
3. Кошеев Иван Филиппович
4. Крючкова Ефимья Ивановна
5. Смелов Николай Андреевич
6. Осипов Игнатий Егорович
7. Вичужанин Игнатий Иванович
8. Романов Епифан Федорович
9. Зверева Мария Карповна
10. Кошеев Николай Максимович
11. Кошеев Егор Гаврилович
12. Вичужанин Гаврил Матвеевич
13. Шутников Евгений Александрович
14. Королев Артемий Иванович
15. Вичужанин Назар Матвеевич
16. Смелов Николай Яковлевич
17. Смелов Павел Андреевич
18. Смелов Елисей Демьянович
19. Кошеев Фрол Гаврилович
20. Напольских Владимир Кириллович
21. Кавардаков Сергей Тимофеевич
22. Дербиллов Николай Васильевич
23. Щинов Анатолий Андреевич.

Неотъемлемой частью деревенской жизни были фермы. Рядом стояли два длинных корпуса: молочнотоварная ферма и телятник. Все в детстве знали, что делается на фермах. Кто-то постоянно ходил помогать родителям, кто-то забегал из любо-

пытства. Там всегда был полумрак, свой шум и запах молока и силоса. Самые сильные женщины работали на ферме, и, ставши однажды дояркой, редко оставляли эту работу. Хотя труд на ферме был одним из самых тяжелых: доили вручную, ведра с молоком таскали на коромыслах, круглый год трудились в резиновых сапогах, дойка летом начиналась в 4-5 часов утра. Истинное трудолюбие отличало этих женщин.

*Доярки Ямайкнской МТФ. Июнь 1955 года.
Вичужанина Таисия, Ермакова Клавдия, Волкова Любовь,
Кощева Зоя, Зайцева Нина, Салангина Агафья*

В районных сводках 1950-60-х годов Ямайкинская молочно-товарная ферма обычно в середине списков, но никогда она не оказывалась в отстающих. Из года в год в сводках идут наши доярки Волкова Любовь, Зверева Анна, Кощева Зоя, Королева Евгения, Салангина Анна, Лапшина Раиса, Кондакова Вера. В передовой десятке доярок Зайцева Нина Ивановна.

В 1953 году заведующая фермой Клавдия Кирилловна Ермакова избирается депутатом Кизнерского районного совета народных депутатов. Районная газета «Сталинское знамя» пишет о ней: «Члены сельхозартели «Авангард» выдвинули кандидатом в депутаты районного Совета от Ямайкинского избирательного округа № 15 Клавдию Кирилловну Ермакову.

Ермакова Клавдия Кирилловна родилась в 1916 году в д. Русское Ямайкино, Кизнерского района, Удмуртской АССР, в семье крестьянина – середняка.

Восьми лет она поступила учиться в Ямайкинскую начальную школу, но по причине продолжительной болезни не окончила ее. После выздоровления тов. Ермакова работает в хозяйстве своих родителей. В 1934 году она вместе с родителями вступает в колхоз и с этого времени непрерывно работает на колхозном производстве. Пользуется авторитетом среди колхозников как хорошая производственница.

Товарищ Ермакова в течение 11 лет на животноводстве. За этот период работы она отдала много сил развитию общественного животноводства. Учитывая ее заслуги, в 1942 году по решению правления назначается заведующей молочнотоварной фермой, где работает в настоящее время. Товарищ Ермакова навела образцовый порядок на ферме, добилась увеличения надоев на каждую фуражную корову» [5].

В 1971 году заведующая фермой Зайцева Нина Ивановна за высокие показатели в труде награждается орденом «Знак почёта». В 1975 г. Кошеева Лидия Герасимовна стала третьей «трёхтысячницей» в Кизнерском районе. В октябре 1979 года коллектив Ямайкинской молочнотоварной фермы отмечен Дипломом Совета Министров УАССР и областного совета профсоюзов за лучшие результаты в социалистическом соревновании среди МТФ республики по производству и продаже молока, повышению его товарности и качества.

С вечерней дойки

Своя кузница и пилорама – без него не обходилась ни одна деревня. Не было ни одного покосившегося либо заброшенного общественного здания. Все вовремя подремонтировано, обновлено. В отличном состоянии склады, конюшня. А ведь часть этих зданий была свезена из личных крестьянских хозяйств в период образования колхозов в 30-е годы. В верхнем конце Русской улицы стояла столярная мастерская. Столяры и плотники были свои, была своя строительная бригада.

Строительная бригада. 1 ряд: Кавардаков Сергей, Коцеев Фрол, Смелов Василий. 2 ряд: Осипов Игнатий, Родыгин Степан, Шутников Арсентий, Дербилов Николай

Механизаторская группа была небольшая. Первое поколение трактористов базировалось при Кизнерской МТС. В основном это была молодежь. Они неделями жили в селе Кизнер на квартирах, приходя домой пешком за продуктами. Один из первых трактористов деревни – Шутников Александр Андреевич, который пройдет всю войну в составе танкового экипажа и будет участвовать в Курской битве. В годы войны среди трактористов появились и женщины, одна из них – Кощеева Раиса Максимовна. По такому же порядку жили послевоенные механизаторы, уходя из дома летом на полевые работы, а зимой на ремонт техники в МТС. Волков Юрий Сидорович, Кошеев Егор Гаврилович, Шутников Семен Михайлович, Смелов Николай Андреевич, Смелов Тихон Андреевич, Кошеев Владимир Николаевич, Шутников Евгений Александрович будут поддерживать жизнь деревни своей техникой.

Трактористка Раиса Коцеева (в центре). 1943 г.

Первый автомобиль нашей деревни

Механизаторов в деревне уважали. Авторитет профессии откладывал отпечаток и на характеры, и чувство собственного достоинства. Во многом они были примером для молодых. А если еще такой парень брал в руки гармонь!

Из воспоминаний Вичужаниной Ксении: «Приехали мы с мужем в деревню повидаться с родителями. Дело уже к ночи, примерно 11 часов. И вдруг с верхнего конца улицы послышалась гармонь и песня. Это спускаются с каксинвайских полей

*Механизаторы Кощеев Владимир,
Смелов Николаи. Никулин Константин, (неизв.)*

комбайнеры. Кощеев Владимир с гармонью и рядом его помощник наш Ваня Вичужанин идут по улице и поют:

Родины просторы, горы и долины,
В серебро одетый зимний лес грустит,
Едут новоселы по земле целинной,
Песня молодая далеко летит...

Те, кто уже готовился спать, открывают окна и слушают, кто-то выбегает на улицу и слушает у ворот дома. Разбудили всю улицу. А они продолжают:

Ты ко мне приедешь раннею весною
Молодой хозяйкой прямо в новый дом...

Какое же настроение было у молодых парней, что и гармонь при себе на комбайне, и песня такая, что разбудила всю деревню!» По воспоминаниям жителей такую картину завершения трудового дня комбайнеры устраивали почти каждый день.

Тракторист Кощеев Владимир Николаевич будет отмечен за свой труд медалями «За трудовую доблесть», «За освоение Нечерноземья».

Большая часть ямайкинцев трудилась «по наряду», как тогда говорили о рядовых колхозниках, не занятых работой на ферме или сельхозтехнике.

Деревенское утро. Женщины приступают к каждодневным хлопотам по дому, хозяин дома отправляется в контору на общий «наряд». Собравшись все вместе, решают, какие дела предстоят на день. К возвращению хозяина завтрак уже готов, после завтрака начинается круг утренних работ по домашнему хозяйству. Под окнами появляется бригадир, на стук подходит хозяйка дома и получает от бригадира указание, «наряд» на предстоящий день. Так было принято, что бригадир каждое утро обходил всю де-

Вичужанина Зоя на уборке льна

ревню, стучал в окна каждого дома! А у хозяев дома была возможность с утра обсудить насущные вопросы с бригадиром.

С укрупнением хозяйств исчезла традиция обсуждать сообща на утреннем «наряде» организацию деревенского труда на предстоящий день. Деревня начала получать готовые «указания свыше», с центральной усадьбы и конторы.

*Вичужанина Ксения, Зайцева Лидия,
Королева Евгения, Романова Маланья, Шутникова Нина,
Зайцева Анна (бригадир) на льняном поле*

На лето формировалось женское льноводческое звено. На льне было много ручной работы. Каждому хозяйству выделяли участок для теребления льна, здесь главными помощниками женщин становились их дети. Высохший лен вязали в снопы, ставили рядками и начинали свозить на ток для мялки под колесами автомобилей. А для нужд своего хозяйства женщины продолжали мять его на своем дворе на специальных станках.

Над деревенским народом не было больших начальников, поэтому не было низкоклонства и угодничества. Уважали честность и искренность, не умели лукавить. Несомненно, был высок авторитет старших по возрасту, но и слово бригадира никогда не оспаривалось. Удивительно то, что на этой должности оказывались мужчины немногословные, деликатные в обращении с односельчанами, не позволяющие себе грубого окрика. В разное время бригадирами были Кошеев Иван Филиппович, Вичужанин Иван Петрович, Вичужанин Назар Матвеевич, Зайцева Анна Ивановна, Смелов Елисей Демьянович, Смелов Павел Андреевич, Зайцева Нина Ивановна.

В военные годы председателем колхоза «Челюскинец» был уроженец деревни Чуштаськем Кузнецов Николай Федорович. Это он, рискуя собственной судьбой, поддерживал своих колхозников хлебом с «неучтенного» поля. Его сменил вернувшийся с фронта с тяжелыми ранениями Кошеев Иван Филиппович. В послевоенной деревне председателем избрали фронтовика Зайцева Николая Капитоновича, которого деревня вспоминала только добрым словом. Другой фронтовик Вичужанин Иван Петрович, по-видимому, был последним ямайкинским председателем колхоза. В начале 50-х годов Русское и Удмуртское Ямайкино объединили с деревней Чуштаськем, оставив за хозяйством громкое название «Авангард».

В маленьком хозяйстве все были на виду, человека ценили за его отношение к общественному труду. И порой обычный тракторист либо плотник был самым уважаемым человеком в деревне. Дети и молодежь видели это, их никто не поучал словами об уважении человека труда. Если ты отдаешься своему делу, ты обязательно будешь удостоен уважения людей – вот один из главных нравственных уроков деревенского уклада жизни.

*Последний состав женской бригады.
1 ряд: Салангина Анна, Напольских Александра,
Кавардакова Лидия, Смирнова Зоя, Коцеева Антонина,
Печникова Зоя, Смелова Ольга. 2 ряд: Шутникова Ксения,
Смелова Елизавета, Вичужанина Ксения, Щинова Серафима,
Смелова Галина, Коцеева Любовь*

Не принято было жаловаться на жизнь. Возможно, от того, что все были в равном положении, а пережитое в прошлом было еще тяжелее. Возможно, коллективный труд дается легче. Если спросить любого бывшего колхозника о тех годах, он пожалуется на несправедливость оценки его труда, а потом обязательно добавит: «А жили весело». Просто все верили в лучшее будущее. И потому трудились не с поникшей головой, а с достоинством и гордостью.

Счастливы в труде. Уроки жизни

Деревня Ямайкино умела радоваться труду. Крестьянский труд был обустроен по вековому порядку и устройству, без авралов и штурмовщины.

1 ряд: Кайдалов Аркадий, Вичужанин Иван, Королев Василий, Шутников Арсентий, Коцеев Иван, Антонов Сергей, Шутников Семен. 2 ряд: Чашкин Виктор, Коцеев Егор, Шутников Валентин, Смелов Николай. Стоят: Кайдалова Нина, Вичужанина Анастасия, Коцеева Мария, Смелова Лидия, Волкова Екатерина

Особенно любили в деревне сенокос. Рядом с деревней – заливные луга вдоль Дедшура. Дальние луга – на реке Казанка за деревней Виноградово и Сухой рекой (Сухарецкие луга, Косшур возь). Одевались на сенокос в лучшие ситцевые платья и рубахи. Работали весело, с огоньком. Правили инвентарь и выстраивались в ряд отдельно мужчины и женщины. Первыми в рядах шли самые могучие и задавали темп всей команде. Попробуй тут не успеть – пятки подрежут. Во время отдыха всегда шутили, смеялись. Были в деревне свои балагуры и отменные рассказчики (и как их все любили!). Молодежь училась косить отдельной группой, и лишь крепко освоившие эту науку вставляли в общий ряд с взрослыми косарями.

Пора поднимать сено. Женщины с граблями выстраиваются в ряд и начинают сгребать. Трое загребают в одну сторону, следующие трое – в противоположную. На лугу остаются ровные линии валков. Не спеша приступают к делу мужчины. Часть из них вместе со старшими подростками направляется к валкам и начинает формировать небольшие копны, сюда же направляются девчонки-подростки, которые будут загребать остатки сена. Небольшая группа самых сильных мужиков направляется к месту, где будут ставить стога. Ставить стог – особая работа, здесь работали самые сильные и ловкие, вершили стога непременно одни и те же умельцы. Мальчишки верхом на лошадях подводят к валкам волокуши и начинают подтаскивать копны к стогам. И завертелся круг размеренного крестьянского труда, где каждый выбирает себе дело сообразно своим силам и возрасту. И поэтому эта работа не в тягость, а в удовольствие и в радость. Так деревня учила нас труду: рядом со старшими, по устройству и порядку, заведенному веками.

Обедали здесь же на лугах. Ароматный чай из смородиновых веток, гречневая каша и суп из свежей баранины в памяти каждого, кто вырос в деревне.

На дальние сухорецкие луга подвозили на телегах необходимый инвентарь, обеденные котлы. Ставили недалеко от берега реки Казанки шалаши, и молодежь порой оставалась здесь же на ночь. Основная часть работников выезжала из дома каждый день на бортовой машине (ведь у каждого еще и свое хозяй-

ство). Рассевшись на сиденьях автомобильного кузова, отойдя от своих домашних хлопот, женщины запевали песню.

А как пели!

«Летят утки, ох, летят утки»... Такими пронзительными переливами могли петь только женщины с Русской улицы. А дальше плавные и печальные... «Под окном черемуха колышется»

Шли с лугов, закинув на плечи литовки или грабли, и при входе на деревенскую улицу запевали опять. Присев на отдых, женщины доставали свое рукоделие и вновь запевали песню. Сидишь подростком рядом с ними и осваиваешь другую науку – науку деревенского пения.

На дальних лугах. Невест полагалось испустить в Казанке

Шутки, смех и песня были неизменной частью деревенского труда. В центре внимания на лугах часто были мужики с Русского Ямайкино. У них и слово похлестче, и шутки поострее. Один Напольских Илья с его «великим и могучим» чего стоил! А если ему удавалось «раскрутить» на разговор татарина Галея, который плохо говорил по-русски, но прекрасно владел ненормативной лексикой – это было представление! Острым словцом отличались Вичужанин Иван и Смелов Елисей. Зайцев Анатолий запросто сочинял четверостишия, которые уходили «в народ». Не мог же он услышать такое по радио:

Берия, Берия, вышел из доверия.

А товарищ Маленков надавал ему пинков.

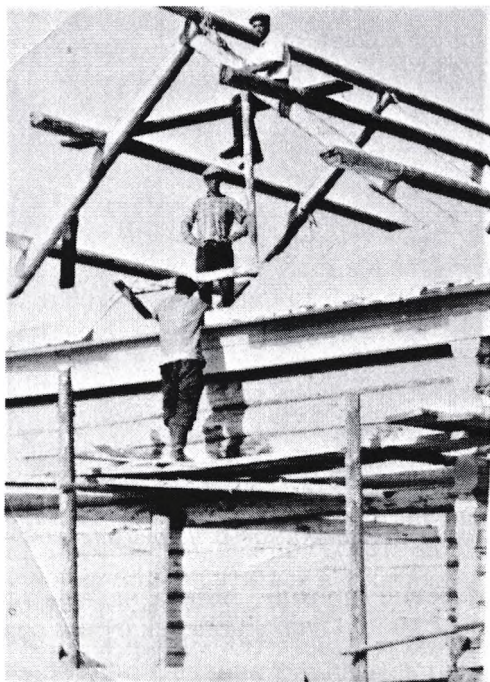
Банки от Смелова Елисея

Деревенское сообщество. Веме

К середине 50-х в деревне жили и трудились около 300 человек. В шестидесятые начали строить большие, крепкие дома. Был тогда такой обычай: собравшись всей улицей, за день поднимали из готовых срубов целый дом. Это называется «веме» – сообщество, помощь.

А дальше дом переходил в руки мастеров: плотников, столяров, печников. И ведь никого не надо было ждать из соседних сел, жила эта «специализация» в самой деревне. Арсентий Шутников и Степан Родыгин ставили окна и двери. Мастерством по изготовлению наличников отличались Кошчев Фрол и Кошчев Николай. Николай Кошчев еще и выкладывал печи.

Так каждый год возводился не один новый дом. Появились просторные дома в четыре окна на улицу, с нарядными наличниками. Внутри домов новая планировка. Маленькая кухня между печью и окном во двор, отдельная спальня. Большая комната под зал непременно обставлялась мягким диваном, комодом и шифоньерами. На полу самые лучшие домотканые половики. В рабочем состоянии были ткацкие станки, и самые умелые и расчетливые хозяйки пускали на половики бывшие в употреблении ткани, разрезая все на узенькие полоски.

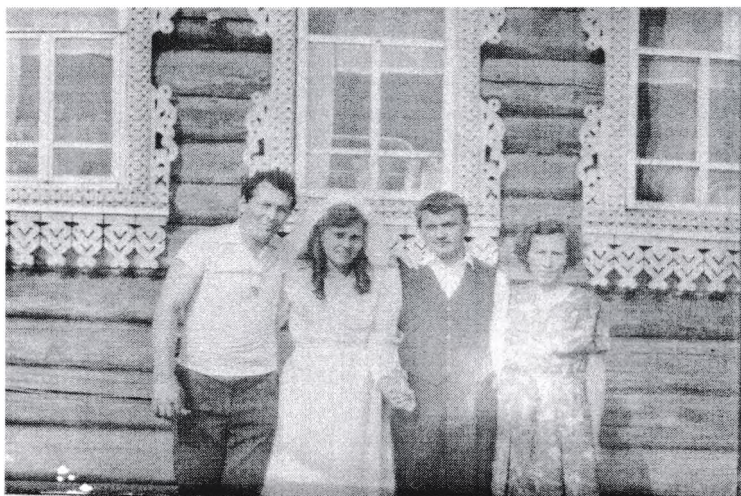
*Сергей Кавардаков, Шутников Арсентий, Щинов Анатолий
завершают работы по возведению нового дома*

На окнах белоснежные строченые шторы, полы и окна выкрашены. Яркие вышивки на праздничной скатерти, на шторах

Нина Кайдалова в своем доме

вокруг божницы, на подушках; кружева на белоснежных постельных подзорах и оконных шторах – все это дело рук женщин-мастериц. Казалось, домохозяйки соревнуются в умении наводить красоту и уют. «Деревня удивляла своим дружелюбием и чистотой», – говорит Лидия Кошеева, которая вышла сюда замуж.

Наличники для дома Кавардаковых изготовлены Фролом Кошечевым

Жили в деревне дружно. Замков на воротах не водилось; уходя из дома, ставили палку поперек ручки ворот.

Детство

Деревня – это незабываемое детство. Было много заветных мест для игры. Прежде всего, места, где был чистый песок. «Мы играли на песке прямо на дороге. Строили домики. Вы не знаете, как можно из песка строить домик? Прижимаешь ладонями песок с двух сторон – получается стена дома. Каких только перегородок мы не изобретали! А дальше придумывали огороды, сравнивали, чей дом самый красивый, у кого богаче постройки вокруг дома», – вспоминает Валентина Зайцева.

А еще был огромный тополь у дома Фрола Кошечева, рядом обрыв к реке и там чистая глина, из которой делали различные фигурки. Девочки ухитрялись прилеплять на обувь глиняные каблучки, было ощущение красивой модницы. В отдельных местах можно было достать белую глину. А главное – эту глину можно было есть!

Играли внутри новеньких срубов. Малышне там можно было придумывать свои кукольные домики – «шудон корка». Подростки занимали 4 угла, нужно было успеть по команде бы-

стро поменяться углами, чтобы пятый лишней не занял твое место. А еще одна команда с «саблями» на срубе сражалась с командой, которая на земле внутри сруба. Победившие занимали верх, побежденные – внутри на земле. Сражались вместе с мальчишками на деревянных шпагах и девчонки, в одном из таких боев Тамара Шутникова получила такую рану, что шрамик на лице остался на всю жизнь.

Мальчишки с малых лет пробовали себя в игре «Клэк» («Бабки»). Вспомним, как нужно было установить очередность сбивания: ставим палку одним концом в носок стопы, другой конец упирается в ладонь, и ты толкаешь палку вдаль ногой. Чья палка улетела дальше – тот и бьет первым, а владелец ближней палки – «пекарь», ему начинать игру с расстановки и подбора «бабок». А как можно разнообразить обычные догонялки-«салки», «ляпки»: догнать одного, дотронуться рукой и можно замениться, а можно догонять других вместе с первым, пока не переловишь всех. А можно обговорить и другие правила: чтобы избежать «засаливания», нужно успеть запрыгнуть на что-нибудь «выше ноги» или спрятаться в «домике».

Исключительно травмоопасная, но необычайно веселая и бесшабашная игра «Слоник» («Чехарда»). В нее играли обычно старшие подростки. Слоники становятся цепочкой, согнувшись пополам и прижав голову к стоящему впереди игроку.

Всадники с разбегу седлают «слона», при этом самые ловкие стараются запрыгнуть как можно ближе к голове. Если кто-то не удержался и упал, либо все уселись, а «слон» довез их до финиша, всадники проиграли. Если слон развалился, победили всадники. Сложнее всего быть частью «слона»: обхватив предыдущего игрока за пояс, нужно как можно дольше выдержать груз седоков, которые запрыгивают с разбегу на твою спину. А если кто-то не выдержал – «слон» валится в единую кучу со всеми седоками.

А «война» зимой на горке у Кошечевых! Горка настолько укатанная, что живая лыжня с трамплином оставалась только от дома Кошечева Егора, да и то потому, что спуск был слишком крутой. Спуститься оттуда решались не все. Самые смелые мальчишки залезали на заметенную снегом крышу здания «сушилки» – и крутым спуском под гору через речку до противоположной стороны. Вся эта площадка была настолько утоптана, что когда Петр Вичужанин решил спуститься вниз на коньках – запросто получилось. Никакой снег не мешал и тому, чтобы команда «верхних» шла врукопашную на команду «нижних». Эта игра называлась «Высота» (по аналогии из военных фильмов «брали высоту»). В этой рукопашной участвовали и девчонки. После такой битвы идешь домой особым шагом, потому что зимние шаровары на тебе задубели от сырости и мороза, не гнутся и шуршат, а руки в сторону, чтобы варежками не задевать шубейку, иначе шуршание это станет невыносимо.

Площадки вокруг клуба-места игр детей с Нижней части деревни

Иногда из озорства катались кучей на больших санях. Человек восемь садится как может в сани, и начинается спуск по крутому склону. Кто-то подбежал еще и запрыгнул в сани, а кто-то уже выпал из живой кучи с боков и валяется в снегу на склоне горки.

Ползали по лазам внутри дощаного склада, где был сложен лен. Летом превращали в удовольствие силосные ямы, куда можно было прыгать с земляного края или вывалиться в яму с кузова автомобиля вместе с силосной массой. Вспомним «десять палочек»! Галя Смелова вспоминает: «Соседские мальчишки все спортивные, выбегают, подбивают дощечку – палочки вверх и рассыпаются. Я уже устала, реву, но подбираю раз за разом, пока кто-нибудь не сжалится и не выручит».

Знаменитая лапта, где опять соперничала нижняя и верхняя часть улицы, а родители порой сидели у ворот и подбадривали. Бежали навстречу друг другу так стремительно и безоглядно, что порой сталкивались лоб в лоб и падали. А если ты поймал «свечку», ты – герой.

Но самым любимым местом был деревенский пруд.

Детвора с Русской улицы заплывала туда со стороны хозяйства Шиновых, а мы с противоположной стороны. Запросто оставляли на берегу малышню и бежали в воду. Моя двоюродная сестра Надя апай вспоминает, как меня двухлетнюю

малышку тащила с верхней части улицы до пруда, оставляла ребенка на берегу, а сама убегала купаться. У Андрея Смелова в памяти случай, когда они с другом Иваном Смеловым оставили прямо на берегу коляску с маленьким ребенком, который у них был под присмотром. Коляска перевернулась и оказалась в воде. Подбежали другие дети и вытащили ее на берег.

Здесь старшие учили плавать младших, переплывая через русло. На дне пруда было глубокое место – русло реки. Зачастую учили плавать так. Старшие тебе помогут, подставляя руки, несколько раз переплыть через русло, а в какой-то момент руки убирают. От страха утонуть начинаешь колотить воду ногами и грести руками – и вдруг получается удержаться и поплыть! А если не удержался, то идешь камнем вниз, делаешь несколько шагов по дну русла, вода тебя выталкивает, ты начинаешь барахтаться руками и ногами – и всплываешь! Чаше старшие ребята просто просили младших взяться за их шею или плечо и потренироваться вместе. На всю жизнь запоминаешь, кто возился с тобой до тех пор, пока ты не поплыл. А когда уже научился плавать, считаешь, сколько раз переплыл через русло. Повседневное соревнование деревенской ребятни.

Деревенская игра требовала не только силы и сноровки, но и непременно нужна была сообразительность и выдумка. Придумать игру, не всегда имея под рукой готовую игрушку, оценить ситуацию, пойти на риск, влиться в коллективную игру приучала маленького человека деревенская жизнь.

Наша любимая школа

Ямайкинская начальная школа была открыта еще до революции, но точная дата пока не установлена. В материалах вятских краеведов о педагогах края упоминается Амфионова Серафима Аркадьевна. Она закончила Епархиальное женское училище в г. Елабуге в 1916 году и была направлена в Ямайкинскую школу. Учительствовала здесь до 1919 года.

В школе учились дети из соседнего Чуштаськема, русских деревень Машкино и Фукаловка. Здесь перемешивались языки, и в совместном учении и играх дети осваивали второй язык.

В 1950 году в Ямайкинскую начальную школу приехала молодая пара педагогов Клавдия Григорьевна и Алексей Семенович Егоровы.

Молодые Егоровы стали организаторами досуга молодежи. Они заложили традицию самодеятельных концертов и спектаклей. На всю жизнь запомнила деревня спектакль «Эктытйсь пастух», где главную роль играл Веня Печников. Алексей Семенович обычно выступал с лекцией перед народом, собравшимся на спектакль. В 1957 году молодой педагог А.С. Егоров в составе делегации Удмуртской АССР станет участником Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Александр Николаевич Бекманов с учениками. 1955 г.

В соседней Чуштаськемской школе учительствовал бывший фронтовик Бекманов Александр Николаевич. Многие ямайкинские дети прошли начальную школу с Александром Николаевичем.

В 1960 году Ямайкинскую школу закрыли на ремонт, а учеников передали Александру Николаевичу. Целый учебный год ямайкинские дети учились в Чуштаськемской начальной школе.

Осенью 1961 года в отремонтированной школе детей встретили Игнатьева Валентина Исаковна и Такеева Алевтина Николаевна. Через год Алевтина Николаевна уехала. Школу приняла Смелова Александра Кузьминична.

Александра Кузьминична, невероятно добрая, чуткая к детям, воспитала не одно поколение ямайкинских детей. С ее уходом началась частая сменяемость учителей маленькой начальной школы в самой глубинке Кизнерского района. Вскоре она закрылась, еще один источник разумного, доброго и вечного перестал существовать.

Дорога в школу. Ямайкинское содружество

После окончания начальной школы шли учиться в Безменшур за семь километров от дома. Но если чувстаськемские дети проходили свои километры без преодоления преград, то нам не повезло. На пути была Казанка – река довольно опасная и глубокая. Моста на реке не было. Переходить ее через ближайшую плотину у д. Бертло – это лишние километры пути. В 50-е годы по Казанке еще сплавляли бревна. Чтобы пройти реку бегом по плывущим бревнам и заторам, девчонкам и мальчишкам нужна была особая сноровка: быстро-быстро перебирать ногами, чтобы перескочить с бревна на бревно. Когда реку затягивало льдом, можно было попробовать перейти по льду. Рассказывает Андрей Смелов: «Старший брат Иван закидывал на середину ледяного покрова пробную палку. Если лед не ломался, переползали по нему на животе, по-пластунски. Весной приспособили лодку. С одного берега ее тянули те, кто уже переправился. Если ты в лодке, надо было отталкиваться шестом. Я как-то раз не так оттолкнулся и бултыхнулся из лодки в холодную воду. Старшие ребята вытащили. Падали в воду нередко, но почему-то часто последними оставались Печников Веча и Люба Мартынова. Вот они падали в воду не один раз». Люба Смелова и Тоня Крючкова добавляют: «Ползешь по льду на животе по-пластунски, а лед прогибается и трещит, «шумит».

Потом придумали плот («плашкот»). Связали вместе 4 бревна и, отталкиваясь шестами, переправлялись. Вспоминает Надежда Вичужанина (Смелова): «Мы с Галей Шутниковой вдвоем начали переправляться на плоте. Весна, Казанка бурлит, наполненная до берегов. В какой-то момент шест не достал до дна, оттолкнуться не получилось, и плот понесло по реке весенним течением. Нас несет по реке быстрее и быстрее. И тут Валера Кайдалов бросает на землю свою котомку с учебниками и прыгает в ледяную воду. Он остановил плот и вытолкнул его к берегу. Вышел из воды, отжал мокрую одежду, а ведь мы побежали домой. А ведь мы были всего лишь шести-классниками в тот год. Сейчас такой поступок посчитали бы за подвиг. Жаль, что по взрослой жизни мы редко вспоминали такие поступки наших ребят». Навернувшиеся слезы, ком в горле, и Надежда Игнатьевна добавляет тихим голосом: «Я бы сейчас Валере в ноги поклонилась, но его уже нет в живых».

Потом появилась временная переправа. Два длинных бревна перекинули от берега к берегу. Но ведь по такому узкому настилу надо было еще и велосипед на себе переправить!

Наше Машкинское поле. Вспоминает Галя Смелова: «Осенью мальчишки срезали обычный маршрут по этому полю. Впереди Печников, высокий, длинноногий. А нам, малышне, нельзя никак отставать, вот и бежишь за ними из последних сил. В марте утром бежишь по насту, а после занятий наст уже не держит, проваливаешься в снег. Решили идти по лыжне, там снег укатанный. Пробуем, ничего не получается, Лыжня тоже не держит. Тогда придумали по-другому: бросили под ногу портфель, встали на него, следующий шаг – на другой портфель, затем их переставляешь для следующего шага. Как-то прошли. Но вы бы знали, как нам попало от мальчишек за то, что мы всю лыжню испортили!»

Весной появлялась вторая преграда – разливалась река Дедшур. Ребята постарше брали на спину малышей и переправляли через реку. Родителей почему-то не интересовало, как мы с этим справлялись.

Эта дорога спланивала нас. В одиночку без друзей, без опеки старших над младшими с этими преградами невозможно было справиться. Если идешь зимой по Машкинскому полю, нужно успевать след в след, иначе выбьешься из строя. Дорога даже не санная, а пешая тропа, а ее за интернатную неделю задувало. Надо было протаптывать эту тропу шаг за шагом. И вновь впереди самые сильные и старшие, чуть не по пояс в снегу, сменяя друг друга, ведут за собой тех, кто слабее и младше.

И в голову не приходило выходить в школу в одиночку, потому что жизнь убедила, что это бессмысленно. Непременно где-то вставала преграда, и помощь могли только старшие и сильные.

В Безменшурской школе устоялось мнение, что ямайкинские ученики дружные, уверенные и самостоятельные. Но наши учителя вряд ли знали другую особенность ямайкинских ребят: мерой уважения среди нас были отнюдь не школьные оценки, а доброта и готовность прийти другому на помощь. Такая традиция-помощь сильного слабому – была у нас не только по дороге в школу, но и на сенокосе, и на другой колхозной работе. Когда в бездорожье добирались до дома пешком с Кизнера либо Красных Полян, парни брали тяжелые сумки девчонок на себя. Так было принято, так воспитало нас наше ямайкинское детское содружество.

Повзрослев, бесконечно вспоминаем эту дорогу в школу. Но в памяти остались и веселые игры на лесной поляне. Здесь тебе

и «флажки», и «войнушки», и лазание по деревьям. Здесь, не дойдя до школы, доедали почти всю еду, которую брали с собой на целый школьный день. Здесь же можно было подесть и первую весеннюю зелень в виде заячьей капусты. Мальчишки знали, что на этой поляне в определенных местах были припрятаны ручки с чернилами, и, если тебе дал кто-то списать, можно было запросто здесь же доделать домашнюю работу.

А у меня в памяти замечательный весенний эпизод. Уже весна, надоело ходить в школу, а каникулы все не объявляют, ждут большой распутицы. Мы дошли до Дедшурки, мальчишки высматривают, где пройти и не зачерпнуть в сапоги. Тоня Крючкова постояла, посмотрела со стороны на эту картинку и смело пошла вперед. Ну, и зачерпнула в сапоги снежного меса пополам с водой. Повернулась к нам с серьезным лицом и говорит: «Вы как хотите, а я в школу идти не могу». И пошла спокойным шагом домой. Как мы все обрадовались! Все повернули обратно в деревню, позвонили в школу и сказали, что на Дедшурке большая вода и переходить негде. А на завтра нам объявили каникулы!

Школьный интернат

После осенних каникул начиналась интернатская жизнь. Родители набивали наши школьные котомки домашней едой и на целую неделю отправляли нас из дома. В разные годы интернат размещался в разных зданиях. Поколение школьников 50-х годов помнит деревянные топчаны, куда укладывались спать по несколько человек, потому что в помещении было холодно. Первоначально лишь учащиеся 5-6 классов жили в пришкольном интернате, остальные либо размещались в домах безменшурских родственников, либо круглый год ходили домой. После строительства новой школы в 1966 году интернат переехал в старинное школьное здание напротив двухэтажного кирпичного магазина.

Всем запомнились интернатская столовая, где и на обед, и на ужин был пустой суп с картошкой и капустой. Повар тетя Тоня умудрялась добавлять еще что-то похожее на поджарку, и мы каждый день ели этот суп и так наелись, что по всей жизни самым нелюбимым блюдом оставались щи с капустой. Следующее поколение «наелось» супа с кроличьим мясом, который тоже было ежедневным блюдом. Не хватало мест на длинных

скамейках за столом, и вторая смена стояла за спиной, нетерпеливо похлопывая по плечу: «Давай уже быстрее, быстрее». Так на всю жизнь и осталась привычка кушать быстро, не разжевывая толком пищу. То, что брали из дома, съедали в первые же дни недели. Зимой родители отправляли замороженное в форме круга молоко. Люся Волкова вспоминает: «Прибегали с мороза и усаживались поближе к интернатской печке, чтоб согреться. А в руках ломтики замороженного молока. Сидим, грызем эти ледяные кусочки, называется «греемся».

Иногда в суп попадало мясо, которое родители передавали в интернат. А еще покупали в магазине пряники и ели их с хлебом. Иногда на урок машиноведения ухитрились заносить буханку свежего хлеба, выделенного для интерната. Ломаешь под партой кусочек от буханки, берешь его в рот и сидишь, наблюдая за учителем, чтобы в удобный момент начать жевать и спокойно проглотить столь желанную твою долю.

И лишь доброго баловства и веселья было вдоволь.

Люся Волкова и Люба Смелова так «доставали» добряка-старшеклассника Петю Марьина, что он просто-напросто сажал назойливых пятиклассниц на шкаф в учебном классе и оставлял там, пока другие не снимут. Была чья-то гармонь, и постоянно кто-то из мальчишек учился на ней играть. И никому не мешала эта бесконечная «музыка». Если начать перечислять, кто научился играть на интернатской гармонии, получится внушительный список.

Перегородка между комнатами мальчиков и девочек была дощаная. Как только воспитатель объявлял, что пора вставать, на

мальчишеской половине начинал петь Леня Смелов. А для нас, его ровесников, слилось воедино пробуждение в интернате и голос Лени. Леня Кощеев, собрав вокруг себя детей помладше, рассказывал сочиненные им самим сказки.

Целая группа из одного класса учит стихи наизусть в разных углах интерната. Наиболее упорные готовили домашние задания допоздна. Так сидел за уроками Сергей Зверев (и был результат: ему первому из Безменшурской средней школы удалось поступить в медицинский институт!). Девочки из старших классов жили на втором этаже бывшего купеческого дома над магазином и сами топили печь. Иногда в воскресный день возвращались с районных соревнований из Кизнера, а столовая оказывалась закрытой.

Конечно, каждый скучал по дому. Если отменяли занятия в школе из-за холодов, редко оставались в интернате, а бежали свои 7 километров домой в жуткий холод. Утром просыпаешься дома в своей теплой постели, а по радио объявляют, что занятия на этот день отменены только для 1-4 классов. И снова в холод, в школу, на свою дистанцию.

Но вопреки всему была какая-то большая семья, которая поддерживала общую нравственность, «чтобы интернатских не позорить». Рассказывает Людмила Волкова: «Вася Вичужанин вернулся с семьей с Казахстана, и оказалось, что он там начал курить. Мальчишки во главе с Гришей Кощеевым наказывали его мытьем туалетов до тех пор, пока он не бросил. Потому что из ямайкинских ребят не курил никто, и нечего было позорить интернатских»!

Молодежный круг

А деревенская жизнь подводила нас на следующую ступень. По возрасту мы приближались к группе молодежи. И это означалось прежде всего через деревенский коллективный труд. Мы начали учиться косить отдельной группой на Сухорецких лугах. Почему-то я с трудом осваивала эту науку. Приходилось просить ребят расточить литовку, так и работала под контролем, то Лени Кощеева, то Коли. Не успела деревня обучить меня этому навыку, я и по всей жизни страдала от этого неумения. Зато работать на льне было истинным удовольствием. Теревить лен на своем участке могли и младшие девочки, а вот укладывать снопы возом на грузовую машину и подвозить на ток –

дело посерьезнее и поинтереснее. Грузовик медленно движется по полю, тебе в кузов подбрасывают снопы, ловишь на лету, укладываешь рядками, и получается правильной формы большой воз. За кабиной автомобиля обязательно формировали сдвоя, и такое счастливое состояние, когда подъезжаешь на ток, сидя в углублении на высоком возу! Старшей молодежи было немного, и мы начали выходить в ночные смены на зерносклад. Эта работа в пыли считалась нетрудной, хотя не только мальчишки-подростки, но и мы, девчонки, затаривали мешки зерном, складывали, заносили в складские сусеки.

И так было во все времена. Молодые и сильные начинали работать в поле, брали на себя тяжесть крестьянского труда. А вечером... А вечером выходили в молодежный круг. Довоенная молодежь Удмуртского Ямайкино собиралась у черемух в проулке рядом с домом Осиповых.

«Подходили к черемухам нарядные девчата. Молодые, статные и красивые Митрей Кощев, Максим Миша, Кандаков Петыр, Ондрей Коля Шутников задавали тон всему гуляню. А каков был гармонист Назар! – вспоминает Зайцева Нина Ивановна. – А зимой все в чесанках светлых, да еще и мелом натрут, чтоб белее смотрелось». Местом молодежного круга Русского Ямайкино была площадка у начальной школы.

Были своеобразные возрастные формирования деревенской молодежи. В одной группе ровесников гуляли и веселились юноши и девушки с разницей в возрасте в 3-4 года. У каждой группы были свои лидеры, свои гармонисты, свои песни и игры. Подходило время, и старшие уезжали, женились, выходили замуж. Взрослела и начинала задавать тон следующая группа со своими праздниками и играми.

Старшая молодежь играла в волейбол. У верхних складов была обустроена площадка, через которую прошло не одно поколение молодых ребят. Прежде чем дойти до клуба, непременно нужно было сыграть несколько партий. Вспоминает Андрей Смелов: «Сильными игроками до нас были Ладьмер, Олексей, Смелов Гена, Тихон агай, Илья Напольских. И мы играли все. Сначала площадка была у ближних складов за огородом Кощевых, потом уже в центре деревни недалеко от клуба».

Еще одна особенность деревни – это самодетельные концерты. Клава Романова вспоминает: «Клуб уже был, но там была молодежь постарше. Репетировали мы иногда внутри какого-нибудь нового сруба. Часто репетировали в кеносе Али Вичужаниной. Организатором была Надя Вичужанина. Ездили

в соседние деревни с целой программой. Из концертов старшей молодежи помню, как молодой Николай Максимович Кощев изображал смешную сценку с Зоей Крючковой. У моего Андрея тоже очень красивый голос». Андрей добавляет: «А мне нравилось, как красиво танцевал Артемий Королев». Удивительно, как молодежь отдаленной деревни подхватывала большую культуру своего времени. Ксения Вичужанина освоила в пришкольном интернате в Кибье игру на гитаре. К ее игре присоединялся со своей гармонью Кощев Володя, и со сцены звучала небольшая оркестровка:

В одном прекрасном месте на берегу реки

Стоял красивый домик, в нем жили рыбаки...

Концерты стали традицией. Находились организаторы из своей же среды, составлялась программа через общее обсуждение. Репетиций проводилось немного. Первый концерт представляли жителям деревни. В клубе набивалось народу битком, из ближних домов зрители приходили со своими стульями. Поддерживали «артистов» изо всех сил.

А затем с этой программой ездили по ближним деревням. Нашим организатором была Лиза Вичужанина – Лизи. Мы с нетерпением ждали, когда она сдаст экзамены в педучилище, и начинали репетировать. С удовольствием пел Леня Смелов. Наде Зайцевой, Гале Шутниковой и Градиславе непременно надо было участвовать в танце. Меня взяли в программу с песней из «Кавказской пленницы» («Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...»). Леня Кощев участвовал в сценках, кто-то просто играл со сцены на гармонии. Замечательные голоса наших девчонок запомнились всей округе.

В клубе не было руководителя, но скучно не было никогда. По примеру старшей молодежи играли и пели в «ручейки», «рыбаки и рыбки», «лицо в лицо». Жила еще традиция обходить деревенские улицы с песней под гармонию. И нас, живущих в верхней части улицы, провожали до дома всей клубной группой, так что о свиданиях не могло быть и речи. А ведь ребята у нас были особенные. Все умели дружить, не обижали никого резким словом, замечательно танцевали в общем кругу, прекрасно пели. Но важнее была всеобщая дружба.

Конечно же, тон задавали гармонисты. Каждое поколение помнит их и скажет, насколько они были любимы в деревне. Нашим любимцем был Сашка Щинов, ведь он со своим баяном мог развеселить любую публику. Чего стоил один его «Чемоданчик»! Саша Смелов, Миша Смелов, Илюш Кощев, Ваня

Королев не просто играют на гармошке, а обязательно с песней. А каковы были в пляске Леня Романов и Леня Кощеев, Миша и Ваня Кошеевы, Сергей Королев расскажут их ровесники.

«Они все играли по-своему, – говорит Люба Смелова. – Слышишь, где-то заиграла гармонь, и, не видя самого гармониста, можно было определенно сказать, кто играет. Запомнился такой случай. На нашей улице жила бездетная семья Салангиных («Трали-Вали»). Всегда серьезный и немногословный, хозяин пригласил в дом проходящего по улице Сашу с друзьями, чтобы послушать гармонь и песни у себя дома. Посадил за праздничный

*Саша Смелов со своей гармонью
после проводов призывника
до окраины деревни*

стол, а сам сидел и слушал, как веселится и поет молодежь. По-видимому, хотелось одинокому человеку ощущения праздника в своем доме».

И многие делали так. В дни праздничных гуляний молодежь просто приглашала к себе в дом как гостей, чтоб порадоваться и полюбоваться на молодость и красоту. Вот где был задор, жизнелюбие и радость! И не было никого из молодых, стоящих в стороне от общего веселья, – все выходили в круг, все умели петь и плясать.

«Большое видится на расстоянии». Это из стихов С. Есенина. Действительно, только в зрелом возрасте удается осознать, как мы были счастливы в юности, как хороша была наша молодость.

Деревенские песни

Песня – душа народа. Песня – душа маленькой деревни, поэтому у каждой деревни свои песни. Вспоминает Надежда Вицужанина:

«Возвращаясь с лугов после тяжелого трудового дня, с сенокоса, женщины входили в деревню с песней. Если едем в кузове автомашины на дальние луга, начинали обговаривать, с

какой песней проедем через Чуштаськем. И так через все деревни проезжали обязательно с песней. Запевала чаще всего Ольга Шутникова, иногда кенак Люба Кошчеева. «Летчик соколом кружит над моею хатой», «Под окном черемуха колышется», «По Дону гуляет казак молодой», «Хасбулат удалой...» – все это разливалось по всей округе.

Удмуртские песни чаще всего запевали хозяева дома для своих гостей, – продолжает Надежда Игнатъевна. – Начинали с общеизвестных мелодий, а затем женщины продолжали уже от себя, складывая слова на мелодию песни (*асьсеос вераса*). Мой отец пел редко, но одна его песня запомнилась навсегда:

Каллен, каллен ми лыктомы,
Лымы медам пурзъы шуыса.
Каллен, каллен ми юомы,
Медам кудзъы шуыса.
Каллен, каллен ми бертомы,
Медам усьы шуыса.

Сколько песен в репертуаре самой Надежды Игнатъевны и ее подруги Татьяны Васильевны сложно сказать! По удмуртскому обычаю гостей приветствовали песней хозяева дома. И очень часто это делали мужчины. Принимая гостей дома, мой отец Юрий Сидорович обязательно приветствовал их песней:

Корка но пуктї, ой, камышен,
Липетсэ липи, ой, но шашыен.
Куно но өти, сектало шуыса,
Кылыным алдаса, ой, но мон лэзьи.

Мама часто запевала свою любимую:

В светлом небе ясный месяц
Легкой лодочкой плывет.
Это что такое с сердцем,
То забьется, то замрет...

Конечно же, с песней провожали молодых ребят в армию. Рассказывает Нина Ивановна Зайцева: «Получил повестку в армию, а это значит и на фронт, наш сосед Николай Андреевич Шутников. А сыновья Андрея все очень хорошо пели. На всю жизнь перед глазами осталось, как он шел с друзьями по улице и пел: «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья...». Удмуртской песней «Ой, кылез ук...» прощался с деревней Михаил Максимович Кошчеев».

Улланы-а, валланы-а Замайгурт но урамед,
Кудпал но валланыз кылёз юмшась калыке?
Кылёз, вылды, льёмпу улэ, валлане.

Котресо-котресо Замайгурт но возьёсыд,
Кудпал но котресаз кылёз турнан удысэ?
Кылёз, вылды, Кёсшур возь вылэ, валлане.

Сэрего-сэрего но Замайгурт бусыед,
Кудпал но сэрегаз кылёз аран удысэ?
Кылёз, вылды, Каксинвай пала сэреге.

Пели в праздники. Разноголосье старинных удмуртских и русских песен, советских лирических и патриотических вырывалось из окон на улицу.

И всегда заливалась на все лады гармошка на русской стороне речушки и на удмуртской. Переходила гармонь из рук в руки, ибо деревня всегда была богата гармонистами. Потому так замечательно пели и танцевали в общем кругу все наши парни и девочки. Этому тоже учила их деревня.

В кругу моих родственников мощными голосами запевали Коля агай Кошечев и моя тетья Клавдия: «Белым снегом...», «Вот кто-то с горочки спустился», «Каким ты был, таким остался», «Горят костры далекие», «Огней так много золотых»... Поразительно, с каким вдохновением они пели русские патриотические песни, такие как «Забота у нас такая», «Я люблю тебя жизнь», «Родины просторы».

Все это они слышали по радио и исполняли многоголосным хором. Звучали чаще русские песни, чем удмуртские. Песни

знаменитой Марии Мордасовой, Воронежского и Уральского народного хора знали все:

Помню, в роще соловьиной я гуляла вечером.

Статный парень, чей не знаю, подошел ко мне с цветком.

Подошёл он и несмело вдруг со мной заговорил,

И душистый ландыш белый мне с улыбкой подарил...

Своеобразную манеру пения сохраняли женщины русской стороны. Они заводили высокими голосами протяжную строчку и вдруг вздох – и пауза:

Летят утки... ох... летят утки... и два гуся...

Ох... кого люблю... кого люблю, не дожуся...

И когда едут в кузове автомобиля всей женской бригадой, эти высокие голоса сливаются с плавными голосами песенниц удмуртской стороны в дивную песню:

Под окном черемуха колышется,

Распуская лепестки свои.

За рекой знакомый голос слышится,

И поют всю ночь соловьи.

Ох... за рекой знакомый голос слышится...

Ох... и поют всю ночь соловьи.

Слушать такое и не научиться петь – невозможно. С возрастом еще больше хочется это повторять, тогда поешь эти песни вполголоса для себя. Душа поет.

Замечательно пели юноши и мужчины. Сильные голоса братьев Андрея и Лени Смеловых, Лени и Ильи Кошечевых, Миши Смелова, Саша Смелова, Жени Шутникова уверенно вели за собой весь круг друзей.

Леня Кошечев запевал после возвращения из армии известную дворовую песню «Тополя»:

Тополя, тополя все в пуху,

Потерял я любовь, не найду.

Саша Смелов под свою гармонь чаще других запевал песню из популярного кинофильма:

Ходят парами, встречаются подружки

Возле речки под черемухой густой...

И, конечно, вся деревня пела знаменитую песню «Чемоданчик». Песня живет, ее поют все, но обязательно под гармошку, и запевают ее непременно мужские голоса, чаще всего сами гармонисты. Визитная карточка молодежи 80-х годов – песня «Ромашка».

На лужайке у ручья я сорву ромашку,
Отвернувшись от подруг, погадать на Сашку.
– Ты ромашку не губи, – говорят мне люди, –
Ты другого полюби, все равно не любит...

Припев:

Любит, не любит, любит, не любит,
Любит, не любит, придет, не придет.
Ах, эти люди, ах эти люди,
Все понимают наоборот.
Только ромашка, только ромашка,
Только ромашка знает о том,
Любит ли Сашка, любит ли Сашка,
Или полюбит Сашка потом.

А голоса ямайкинских девчат Нины Вичужаниной, Любы Смеловой, Тамары Дербиловой, Нины Кайдаловой долго будут звучать в составе именитых ансамблей в Ижевске и других городах.

Особенно ярко выглядела ямайкинская молодежь на свадьбах.

Деревенская свадьба

Ямайкинская свадьба сохранила лишь фрагменты старинной свадьбы.

Гуляли несколько дней. В первый день родня жениха приезжала в дом невесты. Ворота закрывали, и гости попадали в дом, лишь заплатив выкуп. У ворот разгоралось веселье: кто-то пытается перелезть через ворота и забор, его скидывают соперники с другой стороны, кто-то проверяет окна, подкладывают шуточный выкуп. Чаще всего основной выкуп передавали на лопате под воротами. Никаких отдельных испытаний жениху не предлагалось.

В ожидании гостей подтираем ворота

Пройдя в дом и рассевшись по местам, гости ждали, когда женщины принимающей стороны дадут зачин свадьбы особым мотивом (*сюан гурен*):

Осто но инмаре, козма инмаре,
Зеч гинэ малпасьёсыз йыр выламы жутомы,
Урод но малпасьёсыз пыд уламы лёгомы...

Гости подхватывали свадебный мотив, и начиналось свадебное торжество.

Было принято свадебных гостей вести и в другие дома родственников, первыми принимали гостей крестные невесты. Так и получалось, что свадьба гуляла по всей деревне. Новые родственники знакомились, принимая гостей в своем доме, и такое родство устанавливалось основательно и надолго.

Невесту провожали из родительского дома, укрыв большим платком. На платок нанизывали множество красивых вещей, чаще всего ярких платочков и отрезков ткани (*чук*). Это были обереги от сглаза на новом месте жизни невесты и часть свадебных подарков от родственников.

На второй день ждали родню невесты в доме жениха. К приезду гостей не только накрывали столы, но и развешивали в доме жениха часть приданого невесты: вышитые полотенца, скатерти, шторы. В доме жениха свадебные песни заводились уже на другой мотив (*бõрысь гурен*):

Милемыз но апаймы лэзиз татчы бырйыса,
Чеберлэсь но чеберзэ, умойлэсь но умойзэ.
Кортчог кадь ик лыктймы,
кортчог кадь ик бертомы...
Юондэс но юэлэ,
визьёстэс эн ыштылэ.

А дальше свадебных гостей принимала из дома в дом родня жениха. Этим же мотивом родня невесты, вернувшись из гостей, как бы рассказывала о новой родне матери невесты, которая оставалась дома и не ездила в дом жениха:

Осто ке но шедьтэм ук
Та нылмы но интызэ,
Ушъяд ке но ушъямон,
Данъяд ке но даньямон.

Такой же двухдневной свадьбой гуляли в Русском Ямайкино. Первый день со встречей и знакомством, с угощением от молодых, застольными песнями и веселой пляской под озорные частушки. Второй день русской свадьбы был наполнен праздничным озорством: непременно пытались украсть от жениха невесту, во время утренней растопки печи могли залезть на крышу и закрыть трубу, попытаться унести квашню с тестом, а стряпухи могли и обмазать лица озорников тестом. Заносили в дом солому либо сорили листьями от березовых веников, могли занести в дом чурку и начать пилить здесь же ради мусора. В мусор бросают деньги мелочью, а невеста должна подметать и собирать монеты. После свадебных блинов молодые шли на родник за водой. Тут уж полный простор для озорства свадебных гостей!

Со временем деревня утратила старинные свадебные мотивы. Перемешались традиции русской и удмуртской свадьбы. Но ямайкинская молодежь никогда ничего не праздновала просто ради угощений. Всегда и везде была выдумка и веселье. Ямайкинская свадьба – это настоящий театр с переодеваниями, шутками, веселыми танцами.

Идем на свадебное гуляние. День второй

И вновь о сообществе

Алексей Семенович Егоров, будучи корреспондентом газеты «Новая жизнь», по-своему посмотрел на деревню Ямайкино. В январе 1970 года он пишет в статье «Район: восток – запад»:

«... Ямайкино – не только самый западный населенный пункт района, но и одна из самых западных точек Удмуртии, таким образом, ямайкинцы последними прощаются со славным старым годом на гостеприимной удмуртской земле.

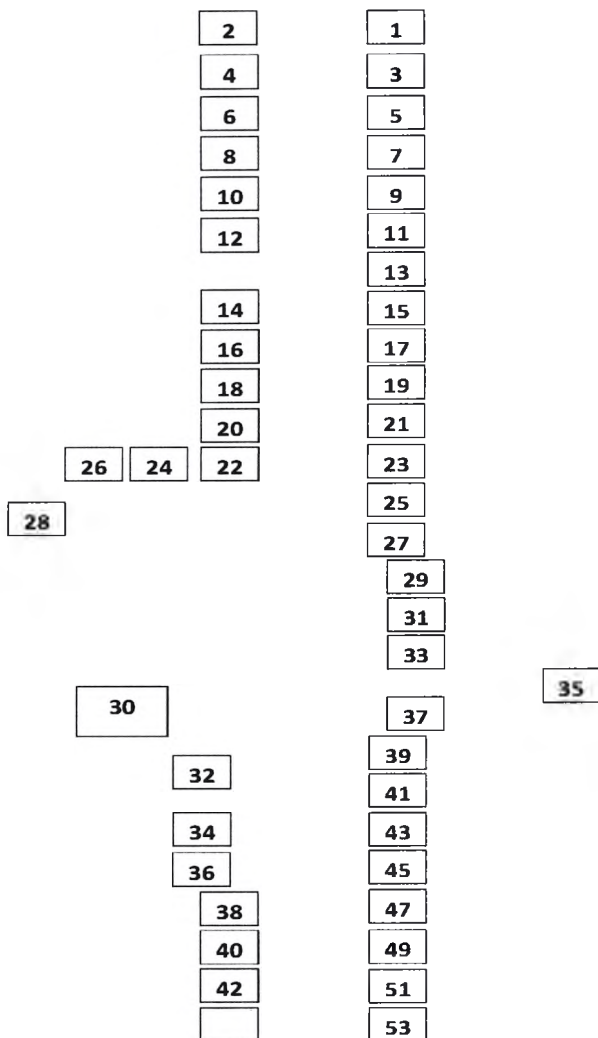
Стоят по обеим сторонам улицы друг против друга на западной окраине деревни дома братьев Шутниковых – Александра Андреевича и Валентина Андреевича. Заглянули на прощание лучи солнца уходящего года в окна Шутниковых, и скрылось светило за лесом в соседнем Малмыжском районе.

Примечательно, что танкист Александр Шутников весной сорок пятого года День Победы встретил неподалеку от западной точки страны – на берегах Балтийского моря в поверженной Германии, а Валентин Шутников вторую мировую войну завершил на восточной окраине – Порт Артуре.

– Довольны мы прошедшим годом, – заявляют обе семьи Шутниковых, – надеемся, что новый год принесет нам еще больше радостей и личного счастья» [4].

Итак, спускаемся по Удмуртской улице самой западной деревни Кизнерского района и Удмуртии.

Расположение хозяйств на Удмуртской улице в начале 60-х годов

1. Шутников Александр Андреевич
2. Шутников Валентин Андреевич
3. Зверев Платон Петрович
4. Романова Алена Ефимовна
5. Зайцева Анна Ивановна

6. Волкова Екатерина Павловна
7. Зайцев Анатолий Иванович
8. Волков Юрий Сидорович
9. Антонов Сергей Константинович
10. Смелов Николай Андреевич
11. Кошечев Иван Филиппович
12. Смелов Тихон Андреевич
13. Крючкова Ефимья Ивановна
14. Волкова Зинаида Ивановна
15. Романов Егор Ефимович
16. Смелов Василий Сидорович
17. Зайцев Иван Фомич
18. Вичужанин Игнатий Иванович
19. Осипов Игнатий Егорович
20. Романова Маланья Тихоновна
21. Вичужанин Иван Петрович
22. Печников Николай Никифорович
23. Романов Епифан Федорович
24. Кайдалов Аркадий Павлович
25. Шутников Георгий Сергеевич
26. Кандакова Вера Кирилловна
27. Волкова Татьяна Семеновна
28. Сушилка
29. Зверева Мария Карповна
30. Клуб
31. Зверев Руфь Кузьмич
32. Кайдалова Домна Павловна
33. Кошечев Николай Максимович
34. Магазин
35. Склады
36. Зайцева Лидия Капитоновна
37. Кошечев Егор Гаврилович
38. Смелова Агафья Ивановна
39. Вичужанин Гаврил Матвеевич
40. Шутников Семен Михайлович
41. Смелов Елисей Демьянович
42. Смелов Николай Яковлевич
43. Шутников Евгений Александрович
45. Кошечев Владимир Николаевич
47. Королев Артемий Иванович
49. Чашкин Виктор Гаврилович
51. Вичужанин Назар Матвеевич

Многое в деревне делалось общим сбором. Сохранение родственных связей, надежный круг близких родственников – особенность деревенской жизни. В деревне Ямайкино советского периода представлено менее 10 фамильных родственных групп: Вичужанины, Волковы, Зайцевы, Зверевы, Кошечевы, Романовы, Смеловы, Шутниковы. По 1 семье Кайдаловых, Крючковых, Печниковых, Кондаковых. Русские семьи в послевоенном Ямайкино – Дербиловы, Мартыновы, Напольских, Кавардаковы, Салангины, Щиновы – жили они всего в один либо в два дома. Семья марийская – Смирновы, и одна татарская.

На сегодняшний день можно восстановить родовые схемы лишь частично. Не позволяют расширить схемы и возможности книжного формата. Думаем, что этот материал будет восстановлен, дополнен и сохранен в самих семьях. Наши схемы обозначают родство по мужской линии и семьи, которые продолжили род в Ямайкино.

По-разному выглядит и оформление семейных групп фотографиями. Больше материала смогли представить семьи, живущие ныне в поселке Кизнер. Часть фотографий была утеряна при переездах, тем более ценно то, что сохранилось. Многие уехали далеко от дома, по молодости, не придав значения этим семейным реликвиям. Оформление книги позволит всем желающим дополнить для своей семьи и текстовый материал, и фотографии.

Уточнение дат рождения также не входило в задачи автора, для этого требуется долгая по времени работа. Сделать это по силам каждой семье.

Послесловие

Несколько страниц истории российской деревни, которой отведено было жить 200 лет. «Визьмо, ужась, лачмыт выжы», — говорили о нас в округе Выпустила в жизнь эта старинная деревня мастеров, инженеров, рабочих для ижевских заводов, механизаторов и животноводов для целинного Казахстана, военнослужащих, строителей и нефтяников по всей России. Ямайкинские фамилии Смеловых, Осиповых, Вичужаниных, Шутниковых, Королевых, Зайцевых, Кошечевых, Напольских, Щиновых, Волковых живут сегодня в Ижевске и Краснодаре, Рязани и Ставрополе, в Сибири и Москве, Петербурге и Перми, в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике. Большая часть моих односельчан в Кизнере.

Они строят свои дома, воспитывают детей, почитают старших, радуются гостям в доме, верят в добро и справедливость. Этому научила их деревня. Верится, что новые поколения ямайкинского рода сохранят главное и самое ценное — душу деревни, ее нравственные устои. Они будут знать и помнить свои истоки, и не только своя квартира и двор будет их домом, а весь простор лесов и полей моей деревни.

Когда в родных местах поселяется тишина, любовь к ним живет в тебе по-особенному... Возвращаются порой сюда ее жители, чтоб поддержать эту землю, сохранить дорогие сердцу уголки. Восстановили пруд, но он опять просит помощи. Над родником появился свежий сруб и крепкий навес. Скошено и прибрано в рулоны сено на ближних полях. В юбилейный для великой Победы год появится и стела, где будет указан только год ее основания.

Живет моя родина

Вновь я вернулась сюда. Перешла через Быдзьымка нюк. Впереди обозначилась развилка: укатанная дорога повернула налево на Агюл, а прямая, чуть обозначенная ведет меня домой, аслам гуртам. Поле от верхних складов и до леса на Агюл уже заросло молодыми деревцами.

А справа ширь полей, вдали виднеется лес взгорьем, там Матан гурезь.

Но вот я дошла до пригорка. Господи, впереди как на ладони моя деревня!

Вот околица, деревья разрослись во всей красе, но улица сохранила свою колею. Да, здесь справа стоял большой, с резными наличниками дом Сергея Кавардакова. Слева завершала улицу аккуратная усадьба Степана Родыгина и большой пятистенный дом с высокими воротами семьи Напольских.

Место, где стоял магазин заросло деревьями, но палисадник Смеловых еще обозначают золотистые шары и ирисы. Просматривается вся улица Русского Ямайкино.

Ряд, где стояли дома, обозначен молодыми березками, а вот черемуха и рябина с другой стороны улицы не уступают свои места для молодой поросли. Вдали два мощных дерева: старинный тополь и высокая ель. Чьи же усадьбы они продолжают сторожить...

Пора спуститься к мосту и речке. Почему-то в детстве этот спуск казался выше и круче. От моста остался только остов, но переход укреплен поперек бревнами. Бревна – сплошная липа, от них идет знакомый запах.

Ну, вот и дошла я до тебя, речка моего детства. Шумишь, журчишь в одиночестве, чистая и торопливая. Можно подержать ладони в светлой твоей водичке, можно аккуратно осветить лицо.

Тропинки, по которой мы поднимались к сушилке, уже нет, заросла лесом.

Поднимаюсь прямо к «центру» деревни. Здесь в разное время стоял клуб (старый и новый), старый магазинчик, волейбольная

площадка. А вот и место усадьбы Вичужаниных и Смеловых, все заросло высокой черемухой и ивой. Тополя впереди обозначают место дома Кошечевых. Кто-то подправил земляные ступеньки для спуска к деревенскому роднику, обновлен сруб самого источника, над срубом начата работа по крыше.

Нужно идти дальше на верхний конец деревни, там стоял наш дом. Но дорогу перегородил глубокий ров. Пойду по бывшим огородам, так еще можно огибать его. Впереди открылась ширь ровного пространства от дороги на Каксинвай до березовой рощи у Чорыг сада. Лишь старые яблони, что обычно росли на меже, напоминают об их хозяевах. Просматривается сад Осиповых и яблоня на меже Ивана Фомича и Романовых. Деревце знакомое, не один раз мы пытались попробовать его яблоки.

Вот и сам дом Ивана Фомича.

Дом крепко стоит под крышей, покосился лишь кенос по другую сторону ворот, повалились и сами ворота. Был бы хозяин у этого деревянного дома, простоял бы он еще не один десяток лет. Удивительно!

Напротив разрослась дикая роза с палисадника Александры Кузминичны, чуть ниже мощно раскидывает ветки ива, обозначая место дома Смеловых.

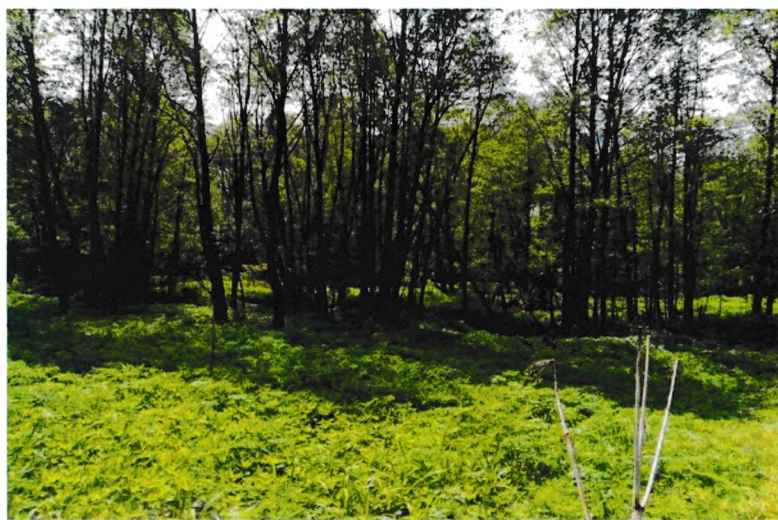

Но сама улица свободна. Молодая березка и осина разрослись на месте усадеб, но не перекрывают улицу. Опять иду по деревенской улице с вечной ее колеей. А вот и две ивы нашего отца. Наш дом... Здесь стоял наш дом. Дом с резными наличниками и окнами не только на улицу, но и на сад и двор. Нам он казался самым светлым, самым уютным и теплым. Вот ямка от колодца рядом с домом. Я помню до мелочей все зарубки и вы-

боины на его деревянном срубе.

А дальше улицу перекрывает повалившаяся, но еще живая ива. И на самой середине улицы прижилась сосенка.

К Вайсы нюку уже не подойти, все заросло молодыми деревцами. Но опять колея, которая обозначает спуск к речке в конце деревни.

Это было одно из оживленных мест нашего детства. По этому спуску мы бежали за ягодами и бросали на землю посуду,

загадывая насколько полной она будет. На этом спуске учились ездить на велосипеде. Спуск завершился плотиной через речку, по которой проходили сотни раз на поля. Там на другой стороне на пригорке росли несколько дубов, в другом месте я их не знала. Речка зарастает, но кто-то здесь побывал, часть берега то ли расчищена, то ли разворочена. Похоже на работу бобров.

А огороды стоят ровной полосой и просматриваются до конца...

Там дальше наш любимый уголок – Чорыг сад.

Вот и наша река Дедшур, давшая когда-то жизнь нескольким древним поселениям на своих берегах. Зеркальная гладь пруда отражает заросший березами и кустарником пологий берег. Шумит вода, преодолевая плотину. Правый берег обозначился крутым обрывом, сквозь высокие деревья золотится новыми бревнами охотничий домик. Недалеко от него выложен камнями очаг, есть даже перекладка для котелка или чайника. Все замерло в ожидании людей, которые обязательно должны приехать в родные места.

Трехтысячница

Лидия Герасимовна пришла на Ямайкинскую молочнотоварную ферму только два года назад. До этого она работала на различных участках колхозного производства. А на ферму пришла потому, что захотелось испытать себя в настоящем деле. Конечно, она знала, что труд доярки далеко непрост, что эта профессия, если работать по-настоящему, требует отдавать себе все силы и способности. Но молодая женщина трудностей не побоялась.

Первый год работы ферме принес ей сравнительно скромный результат: Лидия Герасимовна надоила от каждой коровы только 2181 кг молока. Но этот год и многому научил ее. Она узнала, что к каждой корове необходим особый подход, что любое нарушение в кормлении и уходе за животными незамедлительно сказывается на надоях... И вот закончился второй год, как Лидия Герасимовна стала дояркой. Этот год ей запомнится надолго: он вывел ее в число лучших доярок района. 3278 кг молока – такого надоя на каждую фуражную корову добилась Лидия Герасимовна в 1975 году. По этому показателю Л.Г. Кошечева заняла третье место среди всех доярок района.

Что послужило основой столь высокого достижения? Это, прежде всего, как считает главный зоотехник хозяйства В.И. Плотников, ее большое трудолюбие, тщательное соблюдение всех требований зоотехнии. Лидия Герасимовна строго следит за тем, чтоб у коров было все, что положено по рациону. И хвойной муки вовремя даст и о минеральной подкормке не забудет. И к отелившимся коровам отношение особо внимательное. А это в конечном итоге оборачивается дополнительными килограммами и центнерами молока.

За достигнутые успехи в социалистическом соревновании Л.Г. Кошечева занесена теперь в Книгу трудовой славы района.

*На снимке Л.Г. Кошечева
Фото В. Буранова*

Ямайкино – «деревня мастеров»

Когда-то в деревеньке с интересным названием Ямайкино было около сотни домов, но политика неперспективных деревень привела к тому, что сегодня здесь никто не живет. Между тем Ямайкино – самая спортивная деревня Кизнерского района. Здесь выросли два мастера спорта СССР и пять кандидатов в мастера, а сколько было перворазрядников! А.П. Смелов – мастер спорта по биатлону, Н.Е. Кощев – по лыжным гонкам. Кандидатами в мастера по лыжным гонкам стали П.Г. Вичужанин и Н.Ф. Кощев. Уже в Ижевске увлеклись биатлоном и выполнили норматив кандидата в мастера спорта (КМС) братья Михаил и Юрий Кощевы (Юрий – КМС еще и по лыжным гонкам), П.П. Зверев.

П.Г. Вичужанин в настоящее время является одним из ведущих тренеров Удмуртской Республики по лыжным гонкам, награжден знаком «Отличник физической культуры РФ». Петр Гаврилович начинал свою тренерскую деятельность вместе Н.Е. Кощевым, который в настоящее время работает директором детско-юношеской спортивной школы №7 города Ижевска, является заслуженным тренером Удмуртской Республики, заслуженным работником физической культуры УР, награжден знаком «За заслуги в развитии физической культуры и спорта РФ»

(Из книги «Кизнер. Земля живых ключей»,
сост: Рылова Н.И. Ижевск 2009, стр. 137-138.)

*П.Г. Вичужанин,
Н.Е. Кощев*

А.П. Смелов

Благодарный сын родной земли

(По материалам публикации в журнале «Кенеш» № 5-6, 2017 г.)

Смелов Юрий Елисеевич

Родился в 1963 году в деревне Ямайкино Кизнерского района. После окончания 8 класса учился в ППТУ №3 на электромонтера, прошел практику на заводе Ижсталь. Службу в армии проходил на Байконуре. Поступил на географический факультет УдГУ и успешно его закончил. Вскоре начинает работать в Комитете по экологии города Ижевска, но через семь лет переводится в комитет села Завьялово экологом-инспектором. По материалам наблюдений за изменениями окружающей среды защитил кандидатскую диссертацию

по направлению геоэкология на тему «Динамика загрязнений природной среды Удмуртии».

Наблюдая за работой предприятий, сделал вывод, что почти никто ничего не делает по улучшению окружающей среды. Решил взяться сам. Организовал фирму, взял технику в кредит, построил гаражи, нашел специалистов. С 2008 года руководит в Завьялово объединением «Удмуртские мусороперерабатывающие компании».

Из родной деревни уехал еще подростком, безмерно любил места, где прошло его детство. Юрий Елисеевич решил, что не должны зарости лесом места, где была родная деревня. Ежегодно ведется уход за ближними ямайкинскими полями, восстанавливается пруд, приобретенные в Пихтовке мальки карпа уже запущены в пруд.

В 2016 году избран депутатом Завьяловского районного Совета депутатов. Оказывает большую помощь по своему округу как депутат. «Пусть наши дети и внуки пьют чистую воду, дышат чистым воздухом, радуются красоте природы. О таком их будущем надо думать уже сегодня», – считает Юрий Елисеевич.

Сын Роман после окончания ИжГТУ успешно работает на фирме. Дочь Юлия учится в Чехии на экономиста. Младший сын Максим учится в школе.

От автора

Время движется по своим законам. Время забирает свое... Уходят поколения, люди со своими мироощущением, бытовым укладом, традициями, жизненными принципами. Остаются исторические документы и реликвии, книги, фотографии. Они сохраняют облик времени, заставляют восстановить в памяти моменты прожитого. Эта книга была задумана как памятный альбом маленькой деревни. Огромная благодарность тем замечательным людям, кто поделился photographиями из семейных архивов Христолюбовой (Смеловой) Любове Павловне, Прозоровой (Смеловой) Галине Елисеевне, Соболевой (Кошеевой) Галине Егоровне, Кузнецовой (Кошеевой) Людмиле Егоровне, Волковой (Крючковой) Антонине Федоровне, Седовой (Зайцевой) Валентине Георгиевне, Кошеевой Галине Андреевне, Кошеевой (Кавардаковой) Татьяне Сергеевне, Корепановой (Щиновой) Нине Викторовне, Смелову Михаилу Васильевичу, Осипову Валерию Игнатъевичу, Яшиной (Кошеевой) Татьяне Владимировне. Большой материал получен из воспоминаний Смеловой (Вичужаниной) Надежды Игнатъевны, Архиповой (Вичужаниной) Ксении Игнатъевны, Зайцевой Нины Ивановны, Зверевой (Волковой) Людмилы Юрьевны, семейного архива Семаковой (Зайцевой) Галины Анатольевны. Благодарю за техническую поддержку Крюкову Надежду Васильевну и Смелову Ольгу Николаевну, Смелова Дмитрия Михайловича, Шитова Игоря Вячеславовича, коллектив Кизнерского дома детского творчества во главе с директором Кобелевой Надеждой Михайловной. Неоценимую помощь и поддержку в работе оказала учитель истории моей родной Безменшурской школы, руководитель школьного исторического музея Кузнецова Марина Валерьевна. Отдельная благодарность за поддержку инициатору этого проекта Смелову Юрию Елисеевичу.

В ходе встреч с односельчанами стало понятно, что тема эта нескерпаема, и продолжение разговора доставляет всем огромную радость. Ведь воспоминания о малой родине наполняют каждого теплом и любовью. У каждого свое, невысказанное. Многие узнают о нашем проекте, лишь увидев книгу. Будем рады, если кто-то решит продолжить эту работу в семьях.

Использованные источники и литература

1. Пислегин Н.В. Исторические населенные пункты на территории Безменшурского сельсовета Кизнерского района Удмуртской Республики: попытка корреляции народных преданий и документальных источников. В сб: Земля Безменшурская. Очерки о прошлом и настоящем. Ижевск, 2016. Стр. 7, 9.
2. Книга памяти. Т.1: Воины Алнашского, Граховского, Кизнерского, Можгинского районов Удмуртской Республики, погибшие в боях, умершие от ран, пропавшие без вести в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Ижевск: Удмуртия, 1993.
3. Кизнер. Земля живых ключей. Составитель Рылова Н.И. Ижевск: Удмуртия, 2009.
4. Егоров А.С. Район: восток-запад. Газета «Новая жизнь» № 1 от 01.01.1970 г.
5. Журнал «Кенеш», 2017, № 5-6.
6. Загуменнов А.В. Книга Памяти. Сарапул. 1998 г.
7. Фонды исторического музея Безменшурской средней школы Кизнерского района Удмуртской Республики.
8. Младенцева В.Г. Умирают деревни тихо.
9. Интернет-ресурсы.
Режим доступа: <https://rodnaya-vyatka.ru>
<https://pamyat-naroda.ru>
<https://udmgossovet.ru>
<https://lifehacker.ru/10-dvorovyx-igr/>